

Бекетт – лучший британский автор
криминального жанра нашего времени.
«Sunday Express»

САЙМОН БЕКЕТТ

ХИМИЯ
СМЕРТИ

Доктор Дэвид Хантер

Саймон Бекетт
Химия смерти

«АСТ»

2006

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бекетт С.

Химия смерти / С. Бекетт — «АСТ», 2006 — (Доктор Дэвид Хантер)

ISBN 978-5-17-110426-9

Маленькая английская деревушка потрясена серией загадочных убийств... Снова и снова находят в ближнем лесу чудовищно искалеченные женские тела. Работа маньяка?! Совершенно очевидно. Но что пытается сказать этот маньяк? По какому принципу выбирает он свои жертвы? И возможно ли, что кровавый след от его преступлений тянется в прошлое?! Местная полиция просит о помощи Дэвида Хантера – опытного судебного антрополога, поселившегося в деревне после трагической гибели жены и ребенка. Дэвид начинает собственное расследование – и приходит к совершенно невероятным выводам...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110426-9

© Бекетт С., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Саймон Бекетт

Химия смерти

Simon Beckett
THE CHEMISTRY OF DEATH

Печатается с разрешения Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Серия «Детектив – самое лучшее»

© Simon Beskett, 2006

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Человеческий труп начинает разлагаться через четыре минуты после смерти. Тело, доселе вмещавшее жизнь, претерпевает конечную метаморфозу: начинает само себя переваривать. Клетки тают изнутри. Ткани превращаются в жидкость, затем в газ. Мертвый каркас становится пиршественным столом для других организмов: сначала для бактерий, потом для насекомых. Для мух, откладывающих яйца, откуда выводятся личинки, которые кормятся питательным мясным супом. Затем личинки мигрируют. Мертвеца они покидают дисциплинированно, организованной колонной, обычно держащей курс на юг. Иногда на юго-восток или юго-запад. Но на север – никогда. Никто не знает почему.

К этому времени мышечный белок уже разложился, пустив сок – крепкий химический бульон, настоящий яд для растений. От него гибнет трава, когда по ней ползут личинки, чей след пуповиной смерти тянется назад, к источнику. При благоприятных условиях – скажем, когда сухо и жарко, нет дождя, – такая пуповина может достигать длины в несколько ярдов. Любопытное зрелище эта извилистая вереница из толстеньких желто-коричневых червей. А для пытливых глаз – что может быть естественнее, чем проследить ее к самому началу? Вот так братья Йейтс и нашли то, что осталось от Салли Палмер.

На процессию личинок Нил с Сэмом натолкнулись возле опушки Фарнемского леса, у границы болота. Шла вторая неделя июля, но казалось, что необычно жаркое лето тянется уже вечность. Нескончаемый зной пиявкой высосал зелень из деревьев, а иссохшую землю покрыл плотной коркой. Мальчики направлялись к пруду Виллоухол, который сходил в этих краях за плавательный бассейн, хотя и зарос камышом. Там вместе с друзьями они провели бы воскресный день, прыгая в тепловатую зеленую воду с нависающих веток. По крайней мере, они на это рассчитывали.

Думаю, им было скучно. Одурманенные жарой, вялые и апатичные, братья грызались друг на друга. Одиннадцатилетний Нил, на три года постарше Сэма, шел, наверное, чуть впереди, так выказывая свое раздражение. В руке у него была палка, и он хлестал ею по стеблям и веткам. Сэм тащился следом, время от времени шмыгая носом. Не от простуды, а из-за аллергии на пыльцу, от которой у него к тому же покраснели глаза. Ему помогло бы какое-нибудь мягкое антигистаминное средство, но он пока этого не знал. Он всегда шмыгал носом в летнюю пору. Вечная тень старшего брата, Сэм плелся уронив голову, и вот почему именно он, а не Нил, заметил личинок.

Сэм остановился и, прежде чем окликнуть брата, принялся разглядывать шествие. Нилу не хотелось возвращаться, однако брат явно что-то нашел. Нил старался не подавать виду, и все же колышущаяся лента из мясных червей заинтриговала его ничуть не меньше. Нагнувшись ближе и одинаковым жестом отбросив пряди темных волос со лба, мальчишки сморщили носы от аммиачного запаха. И хотя позднее они не смогли припомнить, кто же предложил посмотреть, откуда ползли личинки, мне кажется, что авторство идеи принадлежало Нилу. Желание вновь напомнить, кто здесь главный, было тем более сильным, что он не заметил эту любопытную вещь. Словом, взяв курс на желтеющие пучки болотной травы, откуда струится ручеек из личинок, первым на поиски отправился Нил, оставив Сэма следовать его примеру.

Ощутили ли они запах, подойдя ближе? Скорее всего да. Вонь, надо думать, стояла такая, что пробивала даже заложенный нос Сэма. И они наверняка понимали, с чем имеют дело. Деревенские пацаны отлично знакомы с круговоротом жизни и смерти. Да и мухи, чей сомнамбулический гул заполнял дневную жару, тоже насторожили бы братьев. Однако вопреки ожиданиям найденный труп не принадлежал ни овце, ни оленю, ни собаке. Нагая, неузнаваемая на солнце, Салли Палмер, казалось, чуть-чуть двигалась. Ее тело было полно паразитов, кишачих под кожей и извергавшихся изо рта и ноздрей, не говоря уж об иных отверстиях.

Сыпавшиеся из тела черви лужей собирались на земле, прежде чем проползти кольшущейся лентой мимо братьев Йейтс.

Принципиально ли знать, кто бросился наутек первым? Вряд ли, хотя я лично считаю, что тоже Нил. Всегда следуя примеру старшего брата, за ним помчался и Сэм, пытаясь не отстать в гонке, что приведет их сначала к дому, а потом к полицейскому участку.

И в конечном итоге ко мне.

Кроме успокоительного, я дал Сэму антигистаминный препарат. Впрочем, к этому времени не он один ходил с покрасневшими глазами. Нила тоже поразила находка, хотя к нему постепенно стала возвращаться подростковая самоуверенность. Так что именно он, а не Сэм, рассказал мне о случившемся, уже отредактировав свежие воспоминания и придав более приемлемую форму всей истории, которой предстояло быть рассказанной и пересказанной множество раз. Годы спустя, когда трагические события того неестественно жаркого лета окончательно канут в прошлое, Нил не перестанет говорить о них, навечно закрепив за собой статус следопыта, с чьей находки все и началось.

Впрочем, началось-то все, конечно, не с этого. Просто до тех пор мы и понятия не имели, что за тварь живет среди нас.

Глава 2

Я появился в Манхэме тремя годами раньше, промозглым мартовским вечером. Выйдя на станции – или, скорее, на забытом богом полустанке, – я обнаружил залитый водой пейзаж, лишенный не только следов присутствия человека, но и самой линии горизонта. Я стоял на платформе со своим чемоданом и разглядывал ландшафт, почти не обращая внимания на дождевые капли, стекавшие за воротник. Вокруг расстилалась плоская заболоченная местность, поросшая папоротником лишь изредка и вдалеке нарушаемая пятнами голого предвесеннего леса.

Я впервые оказался в графстве Норфолк, чьи жители именуют здешние края Большой Заводью. Непривычная картина. Я впитывал в себя широкий простор, вдыхал сырой холодный воздух и чувствовал, как внутри что-то начинает потихоньку отпускать. Пусть хмуρο и неприветливо кругом, но здесь уже не Лондон. Хоть на этом спасибо.

Меня никто не встречал, а транспорта со станции я не заказывал; мысль настолько тщательно спланировать поездку не пришла мне в голову. Свою машину я продал вместе с остальными пожитками и даже не задумался, каким образом доберусь до поселка. В ту пору я еще не слишком ясно соображал. Впрочем, самонадеянность городского жителя все равно заставила бы предположить, что на станции есть такси, магазины, что-то еще... Но здесь не было вереницы таксомоторов; даже телефонной будки и той не оказалось. Пожалев на миг, что отдал свой мобильник, я взял чемодан и направился к дороге, где очутился перед выбором, куда идти: направо или налево. Не колеблясь ни секунды, я пошел налево. Так, без особой причины. Через пару сотен ярдов я выбрался к перекрестку с покосившимся дорожным столбом. Выцветшая надпись указывала куда-то вниз, прямо в мокрую землю. Ну и ладно: по крайней мере знак говорил, что я на верном пути.

Уже смеркалось, когда я наконец дошагал до поселка. К этому времени меня обогнала пара-тройка машин, и тем не менее никто не остановился. Если не считать автомобилей, то первыми признаками жизни были одинокие фермы, весьма далеко отстоявшие как от дороги, так и друг от друга. Затем в сумеречном свете я заметил шпиль церквушки, будто наполовину ушедшей в землю где-то на задворках. Вскоре под моими ногами простерлась мостовая, узкая и скользкая от дождя, хотя и это было лучше, чем обочина и живые изгороди, по которым я пробирался от самой станции. Еще один поворот – и взгляду открылся спрятавшийся поселок.

До вида с почтовой открытки ему далеко. Слишком неприбранный, слишком разбросанный, чтобы походить на образец английской деревушки. На окраине расположилась группа коттеджей довоенной постройки, но они быстро уступили место каменным домикам со стенами, выложенными кремневой галькой. Чем ближе подходил я к центру поселка, тем дряхлее становились домики, словно каждый шаг уносил меня все дальше в прошлое. Лакированные изморосью, зданьца жались друг к другу, а в их безжизненных окнах отражалась туповатая подозрительность.

Еще немного – и вдоль дороги выстроились запертые магазины, что заслоняли какие-то другие дома, терявшиеся в мокром сумраке. Я миновал школу, паб и вышел к центральной лужайке, поросшей нарциссами. Кивая головками дождю, они резко выделялись своей канареечной желтизной на светло-коричневом фоне окружающего мира. Над лужайкой простер голые черные ветви старый каштан, вздымавшийся гигантской башней. За ним, в окружении покосившихся и замшелых могильных камней, стояла церковь, чей древний норманнский профиль я заметил еще с дороги. Как и у соседних домов, в ее стены были вмазаны кремнистые желваки с кулак величиной, не поддающиеся стихиям. Впрочем, раствор этой кладки, не столь твердый и крепкий, изрядно пострадал от времени, а окна и дверь слегка перекосило из-за просевшего за восемь столетий фундамента.

Я остановился, потому что дорога привела в тупик, к другим домам. Очевидно, я увидел практически все, что мог предложить Манхэм. Кое-где светились окна, однако иных признаков жизни не наблюдалось. Я стоял под дождем, недоумеваю, куда же идти. И вдруг услышал какой-то шум и увидел пару садовников, занятых работой на кладбище. Не обращая внимания на дождь и тускнеющий свет, они граблями приводили в порядок траву возле надгробий. Пока я к ним подходил, они ни разу не подняли головы.

– Вы не скажете, где здесь врач живет? – спросил я, вытирая со лба дождевые капли.

Садовники остановились и посмотрели на меня. Наверняка дед с внуком: уж очень они похожи, несмотря на разницу в годах. Одно и то же равнодушное нелюбопытное лицо с немигающими пустыми васильково-синими глазами.

Старик махнул рукой в сторону узкой аллеи на дальнем краю лужайки.

– Вон там, напрямки.

Деревенский говор, непривычный моему городскому слуху: еще одно подтверждение, что здесь не Лондон. Я начал было их благодарить, но они уже вернулись к работе. Я пошел по аллее, отметив про себя, что тут сильнее слышен дождь, стучащий по нависшим веткам. Спустя некоторое время я добрался до широких ворот, перегородивших довольно тесный проезд. К одной стойке прикреплена дощечка с надписью «Банк-хаус». Под ней – латунная табличка «Доктор Г. Мейтланд». С обеих сторон обсаженная тисом, подъездная аллея взобралась на скромный холм, минуя ухоженные садики, затем ушла вниз, на внутренний двор впечатляющего особняка эпохи короля Георга. Я соскребу грязь с ботинок об изношенный чугунный рельс возле входа и, громко бухнув тяжелым дверным кольцом, уже собирался проделать это еще раз, как дверь отворилась.

На меня смотрела полная женщина средних лет с безупречно уложенными темно-серыми волосами.

– Да?

– Я к доктору Мейтланду.

Она нахмурилась.

– Прием закончен. И, боюсь, сейчас доктор не обходит пациентов.

– Да нет... понимаете, он ждет меня.

Полное молчание в ответ. Мне вдруг пришло на ум, насколько я, должно быть, перемазался за часовую прогулку под дождем.

– Я насчет работы. Меня зовут Дэвид Хантер.

Женщина просияла.

– Ох, простите бога ради! Я ведь сразу не сообразила... думала, что... Да вы заходите, пожалуйста.

Она отступила внутрь, давая мне пройти.

– Боже милосердный, на вас сухой нитки нет! Долго шли?

– От станции.

– От станции? От самой станции? Да ведь это мили!

Она уже помогала мне снять пальто.

– Отчего же вы не позвонили, когда приходит поезд? Мы бы кого-нибудь нашли, чтобы вас подбросили.

Я не ответил. По правде говоря, мне это даже не пришло в голову.

– Идите в гостиную, там есть камин. Нет-нет, чемодан оставьте, – добавила женщина, улыбнувшись. Тут я впервые заметил следы переживаний у нее на лице. То, что я принял за холодок отчужденности, объяснялось просто усталостью. – Воришек у нас нет.

Она провела меня в большую, обшитую деревом комнату. Напротив длинного кожаного дивана, изношенного временем, действительно имелся камин, где пылала груда поленьев. Персидский ковер, старый, хотя все еще красивый.

По краям – половицы, навощенные до темно-коричневого блеска. В комнате приятно пахло сосной и костром.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Я скажу доктору Мейтланду, что вы прибыли. Может, чашечку чаю?

Еще одно свидетельство, что я уже не в городе. Там предлагают кофе. Я поблагодарил и, когда она вышла, стал смотреть на огонь. Тепло. После уличного холода потянуло в сон. За двустворчатой дверью на террасу совсем стемнело. В стекло барабанит дождь, на диване мягко и удобно... Отяжелели веки, и я чуть ли не в ужасе вскочил, когда начал клевать носом. Как-то сразу навалилась усталость, я был измотан духовно и физически. Но страх заснуть оказался сильнее.

Я все еще стоял перед камином, когда женщина вернулась.

– Пойдемте. Доктор Мейтланд ожидает вас в кабинете.

Поскрипывая половицами, я прошел за ней по коридору до дальней двери. Негромко постучав, женщина открыла ее привычным жестом, не дожидаясь ответа. Давая мне пройти, она вновь улыбнулась.

– Через пару минут принесу чай, – сообщила она, закрывая за собой дверь.

В комнате за письменным столом сидел мужчина. Секунду-другую мы молча разглядели друг друга. Даже из-за стола было видно, какой у него высокий рост. Худое, в глубоких складках лицо и пышная шапка волос. Не то чтобы седых, а скорее бледно-соломенных. Черные брови давали понять, что у этого человека нет слабых мест. Проницательный, пылливый взгляд, мгновенно давший мне оценку. Что за впечатление я произвел? Впервые в жизни стало неловко, что я выгляжу далеко не лучшим образом.

– Однако! Вас хоть выжимай!

Грубоватый, но не злой голос, как у большого добродушного пса.

– Пешком шел от станции. Не нашлось такси.

Он фыркнул:

– Добро пожаловать в наш чудный Манхэм!.. Вы бы хоть сказали, что приедете на день раньше. Я бы что-нибудь организовал...

– На день раньше? – эхом отозвался я.

– Вот именно. Я ждал вас завтра.

Впервые до меня дошло, что означали закрытые магазины. Сегодня воскресенье. Я даже представления не имел, насколько у меня извратилось чувство времени. Так опростоволось!

Доктор сделал вид, что не заметил моего смущения.

– Ну да не важно, раз вы здесь. Больше будет времени привыкнуться. Я – Генри Мейтланд. Рад знакомству.

Он протянул руку не вставая. Только сейчас я заметил, что доктор Мейтланд сидел в кресле-каталке. На миг выбитый из колеи, я шагнул вперед, чтобы обменяться чуть запоздалыми рукопожатиями. Он криво усмехнулся.

– Теперь вы знаете, почему я написал в газету.

Да, крохотное, едва заметное объявление на страницах «Таймс». Но – уж не знаю почему – в глаза мне оно бросилось сразу. «Сельской амбулатории нужен врач общего профиля. Контракт временный, на шесть месяцев. Жилье предоставляется». Не просто шанс найти место, сама география привлекла меня. Я бы не сказал, что очень хотелось работать именно в Норфолке; зато я покинул бы Лондон. Без особых надежд или переживаний я подал заявку и, неделей позже распечатав письмо, ожидал найти в нем лишь вежливый отказ. Однако мне предложили место. Письмо пришлось перечитать дважды, прежде чем дошел смысл. В иных обстоятельствах я бы еще задумался, нет ли здесь ловушки. А с другой стороны, тогда я вообще бы не стал искать такую работу.

Ответным письмом я дал согласие.

Сейчас, при виде моего нового начальника, пришло запоздалое беспокойство, во что же я ввязываюсь. Словно читая мои мысли, доктор хлопнул себя по бедрам.

– Автомобильная авария.

В голосе – ни смущения, ни жалости к себе.

– Есть шансы, что со временем я опять смогу ходить, однако до тех пор мне в одиночку не справиться. Где-то с год работали временные помощники, теперь с меня хватит. Каждую неделю новое лицо; кому от этого лучше? Вы сами быстро поймете, что здесь не очень-то жалуют перемены.

Он потянулся к трубке с табаком, что лежала на столе.

– Ничего, если я закурю?

– Разве я могу возражать?

Мейтланд издал короткий смешок.

– Ответ верный. Я не ваш пациент, помните об этом.

Он на секунду умолк, приставив спичку к табачной чашечке.

– Итак, – продолжил Мейтланд, попыхивая трубкой. – Серьезный отход от вашей привычной работы в университете, да? К тому же тут далеко не Лондон.

Он взглянул мне в лицо поверх дымящейся трубки. Я ожидал, что Мейтланд вот-вот попросит рассказать о моей прежней карьере, но этого не случилось.

– Если есть сомнения, сейчас самое время подать голос.

– Нет, – ответил я.

Он удовлетворенно кивнул:

– Что ж, одобряю. Первое время поживете у нас. Я скажу Дженис, чтобы она вас устроила в комнате. Более подробно поговорим за ужином. А завтра можете приступать, прием начинается в девять.

– Разрешите спросить?..

Он слегка вздернул бровь, ожидая продолжения.

– Почему вы меня приняли?

Вопрос этот меня беспокоил. Не настолько, чтобы совсем вынудить отказаться, но все же. Что-то было такое подспудное, неуловимое...

– Вы произвели подходящее впечатление. Высокая квалификация, великолепные отзывы и готовность работать в захолустье, да еще за те гроши, что я предлагаю.

– Я думал, сначала будет собеседование...

Он трубкой будто отгнул в сторону мою ремарку, окутавшись завитками дыма.

– На собеседование нужно время. Мне же требуется человек, готовый начать немедленно. И я верю в свое умение разбираться в людях.

Такая убежденность меня несколько успокоила. Лишь много позже, когда рассеялись последние сомнения, что я действительно остаюсь здесь работать, доктор Мейтланд, посмеиваясь, признался мне за стаканчиком виски, что я был единственным претендентом.

Однако в тот день столь очевидный ответ мне даже не пришел в голову.

– Вы уже знаете, у меня почти нет опыта врача-практика. Смогу ли я?

– А вы сами как считаете?

Я на минуту и – если честно – впервые задумался над этим вопросом. Так далеко забраться, даже не поразмыслив хорошенько. Побег, вот что это было. Побег из города и от людей, возле которых стало слишком больно.

«Интересно, на кого я похож? – вновь подумал я. – На день раньше приехал, насквозь промок... Не хватило даже ума захватить зонтик».

– Смогу.

– Значит, так тому и быть.

Деловитое, хотя и чуть насмешливое выражение лица.

– К тому же должность временная. Да и я за вами пригляжу.

Он нажал кнопку на столешнице. Где-то в глубине дома задребезжал звонок.

– Ужин обычно в районе восьми. С поправкой на прием пациентов, конечно. А пока что можете отдохнуть. Вещи с вами? Или отправили почтой?

– Да, чемодан со мной. Ваша жена велела оставить его в прихожей.

Мейтланд на миг опешил, а потом с какой-то странной сконфуженной улыбкой сказал:

– Дженис – моя домработница. Я вдовец.

Меня словно жаром окатило. Я кивнул:

– Я тоже.

Вот так я стал врачом в Манхэме. А сейчас, спустя три года, я оказался одним из первых, кто услышал о находке братьев Йейтс в Фарнемском лесу. Конечно, никто не знал, чей это был труп. С самого начала, во всяком случае. Мальчишки-очевидцы и те не могли решить, мужчина это или женщина, до такой степени дошло разложение. Вновь очутившись в знакомых стенах своего дома, они даже не могли с уверенностью сказать, было ли тело нагим. Более того, Сэму показалось, что у мертвеца имелись крылья. Сообщив об этом, он недоуменно замолк, но Нил на это даже не отреагировал. Зрелище оказалось настолько чуждым всему их жизненному опыту, что память бастовала. «Да, мы видели мертвого человека» – вот то единственное, в чем они соглашались друг с другом. И хотя их описание кишашего моря червяков наводило на мысль о ранах, я слишком хорошо знал, какие фокусы умеют выкидывать мертвецы. Причин ожидать худшего нет.

Пока нет.

Тем удивительнее выглядела убежденность их матери. Обняв за плечи притихшего младшего сына, Линда Йейтс сидела с ним на кушетке в маленькой семейной гостиной. Притулившись к матери, Сэм рассеянно следил за кричащими красками на экране телевизора. Отец, работавший на ферме, еще не вернулся. Когда задыхающиеся, истерично возбужденные мальчишки прибежали домой, Линда позвонила мне в амбулаторию. Ведь в таких маленьких и отдаленных поселках выходных не бывает даже в воскресенье.

Мы все еще ждали полицейских. Те явно не видели повода торопиться, хотя мне лично казалось, что я просто обязан досидеть до их приезда. Я дал Сэму успокоительное, такое слабое, что оно почти сошло бы за плацебо, после чего без особого желания выслушал рассказ его старшего брата. Я вообще пытался не слушать. Ведь мне и самому доводилось видеть нечто подобное.

Нет нужды напоминать об этом лишний раз.

Окно в гостиной распахнуто настежь, но ни малейшего ветерка, чтобы хоть как-то сбить жару. На улице ослепительно ярко, словно послеполуденное солнце выжгло все до белого пепла.

– Это Салли Палмер, – сказала вдруг Линда.

Я удивленно вскинул голову. Салли Палмер жила одна на крохотной ферме, сразу за поселком. Привлекательная женщина, тридцати с чем-то лет. В Манхэм она приехала несколькими годами раньше меня, унаследовав ферму своего дядюшки. Салли до сих пор держала коз, а кровное родство делало ее в глазах местных жителей не столь чужой, как в моем случае, даже спустя все эти годы. Однако то, что на жизнь она зарабатывала литературой, слишком выделяло Салли, и поэтому большинство соседей воспринимали ее со смешанным чувством благоговейного трепета и подозрительности.

Никаких слухов о ее исчезновении до меня не доходило.

– Почему вы так думаете?

– Потому что видела сон о ней.

Такого ответа я не ожидал. Я взглянул на мальчишек. Сэм, уже успокоившийся, вообще, кажется, нас не слушал. А вот Нил пылливо смотрел на мать, и я знал, что все ее слова тут же разойдутся по деревне, стоит ему только выйти из дому. Линда приняла мое молчание за недоверчивость.

– Она стояла на автобусной остановке и плакала. Я ее спросила, что, мол, случилось, но она ничего не ответила. Потом я посмотрела на дорогу, а когда повернулась опять, ее уже не было.

Я не знал, что сказать.

– Сны приходят не так просто, – продолжала Линда. – Я вам говорю, это про нее.

– Послушайте, Линда, мы даже понятия не имеем, о ком речь.

Судя по встречному взгляду, Линда отлично знала, кто из нас прав, хотя спорить не стала. Я с облегчением вздохнул, когда стук в дверь возвестил о появлении полицейских.

С любого из этой парочки можно писать портрет типичного сельского констебля. У того, кто постарше, оказалось багровое лицо, а речь свою он перемежал игривым подмигиванием, что – с учетом обстоятельств – выглядело совершенно не к месту.

– Итак, вы решили, что нашли мертвеца, верно? – жизнерадостно объявил он, кинув мне такой взгляд, будто приглашал вместе посмеяться над недоступной детям шуткой.

Пока Сэм все теснее прижимался к матери, Нил мямлил ответы, напуганный зрелищем стражей порядка в родном доме.

Много времени допрос не занял. Пожилой полицейский с шумом захлопнул свой блокнот:

– Ну хорошо, надо бы самим взглянуть. И кто же из вас, ребятки, покажет дорогу?

Сэм уткнулся носом в мать. Нил ничего не ответил, но побледнел. Одно дело разговоры. И совсем другое – увидеть все снова. Линда встревоженно обернулась ко мне.

– По-моему, это не очень удачная мысль, – сказал я. Говоря по правде, в моих глазах подобная мысль выглядела на редкость глупой, однако я уже достаточно сталкивался с полицией и знал, что дипломатия зачастую лучше открытой конфронтации.

– Стало быть, «иди туда, не знаю куда», я так понимаю? – съязвил полицейский.

– Куда идти, могу показать я. У меня карта в машине.

Констебль даже не пытался скрыть своего недовольства.

Мы вышли из дому, щуря глаза на резкий свет. Семья Йейтс жила в конце шеренги маленьких каменных домов, а наши машины были припаркованы неподалеку, в переулке. Вынув карту из «лендровера», я расстелил ее на капоте. Металл под солнцем обжигал пальцы.

– Туда мили три. Оставьте там машину, потом пешком через болото в лес. Как я понял, труп где-то здесь, – ткнул я пальцем в карту.

Полицейский хмыкнул:

– У меня есть идея получше. Если не хотите, чтобы мы прихватили кого-то из мальчишек, поехали вместе. – Он скупо улыбнулся. – Вы, похоже, неплохо ориентируетесь в здешних краях...

По его лицу было видно, что выбора у меня нет. Я велел им идти следом за мной, и мы отправились в путь. В салоне старенького «лендровера» пахло горячим пластиком, и я до отказа открыл оба окна. Руль обжигал ладони, а когда я увидел, как побелели у меня костяшки, пришлось заставить себя расслабиться.

Хотя дорога и петляла узенькой змейкой, ехать оказалось недалеко. Я остановился на перепаханном колесами и пылающем зноем пустыре, задев левым бортом пересохший кустарник. Патрульная машина клюнула носом, затормозив в полуметре от моего бампера. Оба полицейских вышли наружу, и констебль постарше поправил сползавший с живота ремень. Его более молодой напарник держался чуть поодаль. Про себя я отметил, какое у полисмена обоженное солнцем лицо да еще со следами раздражения от бритья.

– Через болото есть тропа, – сказал я. – Она доведет вас до самого леса. С полмили, не больше.

Полицейский постарше смахнул пот со лба. В подмышках его белой форменной рубашки появились темные, влажные разводы. Остро пахнуло потом. Он прищурился на отдаленную кромку леса, покачивая головой.

– Вот и работай в такое пекло... Значит, не хотите показать, где труп?

То ли шутит, то ли издевается... поди разбери...

– Как войдете в лес, там уже сказать трудно, – ответил я. – На вашем месте я бы опарышей искал.

Молодой констебль было хохотнул, но тут же осекся под недобрый взглядом старшего патрульного.

– А вы разве не хотите, чтобы этим занялась выездная спецгруппа? – спросил я.

Полицейский усмехнулся:

– То-то они нам спасибо скажут, когда выяснится, что этодохлый олень. Так оно и бывает по большей части.

– Мальчишки думают иначе...

– Знаете, с вашего позволения, я хотел бы сам убедиться.

Он махнул рукой младшему напарнику:

– Пошли, нечего время терять.

Я проследил взглядом, как они лезут через кусты и бредут к лесу. Меня никто не просил дожидаться, да и смысла не было. Я довел патрульных куда мог; остальное в их руках.

Впрочем, я не уехал. Вместо этого вернулся к своему «лендроверу» и из-под сиденья вытащил бутылку минералки. Вода тепловатая, но все же – во рту так пересохло... Я надел солнечные очки и, облокотившись на грязно-зеленое крыло, стал смотреть в сторону леса, куда ушли полицейские. За осокой их уже не видно. От болота несло мокрой ржавчиной, в раскаленном воздухе жужжали и звенели насекомые. Мимо протанцевала пара стрекоз. Я отхлебнул еще глоток и взглянул на часы. Из пациентов меня никто не ждет, до вечернего приема еще часа два, однако стоять на обочине, ожидая результатов поисков сельских стражей порядка... Я мог бы найти занятие получше. К тому же они, наверное, правы. Мальчишки действительно могли наткнуться на труп животного. Воображение и паника сделали остальное.

Я все еще не уезжал.

Через какое-то время в поле зрения возникли два силуэта, продиравшиеся сквозь беледые стебли, нещадно стегавшие их форменные рубашки. Еще на расстоянии было заметно, насколько бледны у них лица. На груди младшего полицейского виднелись мокрые рвотные потеки, о которых он вряд ли даже догадывался. Без лишних слов я протянул ему бутылку с водой. Он благодарно ее принял.

Пожилый констебль старательно прятал глаза.

– Чертова рация... сигнала не добьешься... – пробурчал он, проходя мимо меня к машине. Ему явно хотелось вернуть себе тот прежний, грубоватый тон, да получалось неважно.

– Значит, все-таки не олень? – спросил я.

Мрачный взгляд в ответ.

– Думаю, вы можете быть свободны.

Констебль дождался, когда я сяду в «лендровер», и лишь затем стал что-то говорить по рации. Когда я отъезжал, он все еще докладывал. Молодой полицейский разглядывал носы своих ботинок, держа бутылку в безвольно повисшей руке.

Я возвращался в клинику. В голове, словно мухи, роились мысли, но я как бы отгородился от них. Силой воли я не давал мыслям вырваться из-под ментальной провололочной сетки, и они нашептывали что-то прямо в подсознание. Впереди появился съезд к поселку и моему кабинету. Рука потянулась к выключателю поворота и там остановилась. Даже не думая, я при-

нял решение, эхо которого будет звучать еще несколько месяцев. То самое решение, что изменит как мою жизнь, так и чужую.

Я поехал прямо. Курсом на ферму Салли Палмер.

Глава 3

С одного края фермы росли деревья, другими она выходила на болото. «Лендровер» вздымал клубы пыли, пока я трясся по изрытой шинами дороге, ведшей к дому Салли. Припарковавшись на разбитой брусчатке (все, что осталось от мощеного двора), я вышел. Высокий сарай, собранный из рифленых металлических листов, казалось, дрожал в струях раскаленного воздуха. Сам же жилой дом ослепительно ярко сиял, хотя белила, которыми он был выкрашен, начали постепенно лупиться и сереть. Ярко-зеленые ящики с цветами, подвешенные по обеим сторонам входной двери, являли собой единственное живое пятно в этом блеклом мире.

Обычно, когда Салли дома, не успеешь постучаться, как тебя встречает лаем ее шотландская овчарка Бесс. Только не сегодня. За окнами ни единого признака жизни, хотя это еще ничего не значит. Я постучал в дверь. В эту минуту причина моего появления выглядела весьма глупо. В ожидании ответа я смотрел вдаль, пытаясь придумать, что же сказать, если Салли откроет. Наверное, сказать можно было бы и правду, однако тогда я стану выглядеть столь же нелепо, как и Линда Йейтс. А еще Салли может все превратно понять, приняв мой визит совсем не за проявление той подспудной тревоги, которую я никак не мог объяснить.

У нас с Салли был не то чтобы роман, но все равно нечто большее, нежели простое шапочное знакомство. Одно время мы частенько виделись. Ничего удивительного тут нет, у нас, чужаков, приехавших в деревню из Лондона, существовала общая точка соприкосновения: прошлая, городская жизнь. К тому же Салли была моих лет и обладала общительным характером, позволявшим легко находить друзей. И еще она обладала привлекательной внешностью, кстати. Мне нравилось порой сходить с ней в паб, скоротать вечерок.

Правда, не более того. Как только я почувствовал, что Салли может захотеться большего, я тут же ушел в тень. Поначалу она вроде бы удивилась. С другой стороны, раз между нами ничего не было, то не нашлось и места обидам или чувству вины. При случайных встречах мы по-прежнему вполне свободно болтали, но и все.

Об этом я старательно заботился.

Я еще раз постучал в дверь. Помнится, испытал даже чувство облегчения, когда Салли так и не открыла. Она явно куда-то ушла, а это означало, что мне не надо объясняться, почему я здесь. Если на то пошло, я и сам не знал причины. Я не суверен, и в отличие от Линды Йейтс, не верю в предчувствия. Если не считать, что Линда и предчувствием-то это не назвала. Просто сном. А я знаю, каким обольстительным может быть сон. Предательски обольстительным.

Я повернулся спиной к двери и к тому направлению, в котором начали идти мои мысли. «Нет ее дома, и что с того? – подумал я с досадой. – Какого черта я вообще завелся? Ну помер какой-то турист или там орнитолог-дилетант... И это причина дать распоясаться воображению?»

Однако на полпути к машине я вдруг остановился. Что-то здесь не так, а что – не пойму. И даже повернувшись лицом к дому, я еще пару секунд не мог найти ответ.

Ящики с цветами. С пожухлыми, мертвыми цветами.

Салли ни за что не допустила бы такого.

Я вернулся. Земля в ящиках вся высохла, растрескалась жесткой коркой. Растения не поливали несколько суток. Может, даже больше. Я постучал, позвал Салли по имени. Когда вновь не последовало ответа, я взялся за дверную ручку.

Не заперто. Возможно, прожив здесь столько времени, Салли отвыкла от замков. Но с другой стороны, она, как и я, приехала из города, а старые повадки отмирают с трудом. Приоткрывшись, дверь уперлась в груды почты, скопившейся в прихожей. Пришлось поднажать, и, переступив через рассыпавшиеся маленькой лавиной конверты, я прошел на кухню. Здесь все знакомо: стены веселого лимонного цвета, добротная сельская мебель и кое-какие детали,

говорившие о том, что хозяйка дома так и не смогла полностью расстаться с городскими привычками – электрическая соковыжималка, кофеварка и большой винный стеллаж, почти полностью занятый бутылками.

Если не считать изрядного количества непрочитенной почты, поначалу ничего странного в глаза не бросилось. В доме, однако, царила затхлая атмосфера, будто комнаты давно не проветривали. Потягивало сладковатым запахом гнилых фруктов. Поискав глазами, я на кухонном шкафчике обнаружил глиняную миску, полную почерневших бананов и покрытых белесым пушком плесени яблок и апельсинов. Натюрморт *memento mori*¹. Из настольной вазы безжизненно свешивались цветы, сорт которых я уже не мог определить. Ящик серванта возле мойки наполовину выдвинут, как если бы Салли отвлекли в тот миг, когда она собиралась что-то достать. Машинально я сделал шаг, чтобы задвинуть ящик, но передумал.

«Может, она уехала в отпуск, – сказал я про себя. – Или слишком занята, чтобы выкидывать мертвые цветы и фрукты».

Масса возможных причин. Впрочем, как и Линда Йейтс, я уже все знал.

А не проверить ли остальные комнаты? Хм-м, нет. Уже сейчас я начинал видеть в этом доме потенциальное место преступления и опасался нарушить какие-либо следы или улики. Пойдем-ка лучше на улицу...

Салли держала своих коз на заднем двореке. С одного взгляда стало ясно, что случилась беда. Пара-тройка хилых, истощенных животных еще стояли на ногах, но большинство лежали ничком. Уже мертвые или просто без сознания – сказать трудно. Выгон выщипан почти до голой земли, а когда я заглянул в водопойное корыто, то увидел совершенно сухое дно. Рядом лежал шланг, явно для заливки. Перекинув один конец в корыто, я вдоль шланга добрался до водоразборного стояка. На звук хлещущей воды приковыляла пара коз и принялась жадно пить.

«Как только переговорю с полицией, – решил я, – сразу вызову ветеринара». Я вынул свой мобильник, однако сигнал не проходил. Прием в районе Манхэма всегда отличался капризностью, и сотовые телефоны чаще всего работали непредсказуемо. Подальше отойдя от выгона, я увидел, как зашевелился антенный индикатор. Я уже собирался набрать номер, как заметил небольшое темное пятно, полускрытое за ржавым плугом. С растущей тревогой, чувствуя странную уверенность, будто знаю, что это такое, я приблизился.

В сухой траве лежала мертвая Бесс, шотландская овчарка Салли Палмер. Труп казался крошечным, шерсть спутана и засыпана пылью. Ладонью я разогнал поднявшийся рой мух, решивших обследовать мое собственное, не столь гнилое, мясо, после чего пошел прочь. Успев, кстати, обратить внимание, что собачья шея почти полностью перерублена.

Жара вдруг стала просто адской. Ноги сами несли меня к «лендроверу», пока я боролся с искушением плюнуть на все и уехать. Вместо этого, не дойдя до машины, я принялся набирать номер полиции. В ожидании ответа я тупо смотрел на далекое темно-зеленое пятно леса, откуда так недавно приехал.

«Опять? Здесь? Сколько же можно?!»

Из ступора меня вывел металлический голос, раздавшийся в трубке. Я повернулся спиной и к лесу, и к дому.

– Хочу заявить о пропавшем человеке, – сказал я.

Инспектор полиции оказался коренастым и плотным, как боксер, мужчиной по фамилии Маккензи, на год-два постарше меня. В глаза бросились его ненормально широкие плечи, в сравнении с которыми нижняя часть тела выглядела непропорционально: короткие ноги, заканчивавшиеся до нелепости изящными ступнями. Его можно было бы принять за рисо-

¹ Помни о смерти (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

ванного культуриста из мультфильма, если бы не расплывшийся живот и угрожающая аура взвинченной раздражительности, заставлявшая воспринимать этого человека исключительно серьезно.

Я поджидал возле своей машины, пока Маккензи и его напарник-сержант, одетый в штатское, ходили смотреть на собаку. Глядя на их неторопливую походку, можно было решить, что они никуда не спешат, что им чуть ли не все равно. Но то обстоятельство, что вместо обычных полицейских сюда приехал старший следователь по особым делам, говорило само за себя.

Отправив сержанта осматривать комнаты, инспектор подошел ко мне.

– Объясните еще раз, почему вы сюда заехали.

От него пахло одеколоном, потом и – чуть заметно – мятой. Багровая от загара лысина пламенела сквозь редящие рыжие волосы, но если Маккензи и испытывал дискомфорт, стоя под палящим солнцем, то виду не подавал.

– Был рядом. Думал, зайду, навещу.

– Светский визит, значит?

– Просто хотел убедиться, что у нее все в порядке.

Я не собирался вмешивать сюда Линду Йейтс без особой необходимости. Раз я ее доктор, то обязан считать все, что она мне говорит, врачебной тайной. К тому же, думал я, полицию вряд ли интересует, что и кому снится. Мне бы самому следовало попросте отнестись к вещему сну Линды. Если не считать, что Салли – как ни странно – и впрямь не оказалось дома.

– Когда вы в последний раз видели мисс Палмер? – спросил Маккензи.

Я прикинул время.

– Пару недель как не встречал.

– Поточнее можете сказать?

– Помню, что видел ее в пабе, на летнем барбекю, недели две назад. Она туда заходила.

– С вами?

– Нет. Но мы поговорили.

Очень коротко: «Привет, как дела?» – «Нормально. Ну пока». Бесмыслица, в сущности. А ведь, наверное, то был последний наш разговор. Если, конечно, предположить худшее. Впрочем, сомнений у меня уже не оставалось.

– Прошло, значит, две недели, и сегодня вы вдруг решили объявиться?

– Я просто услышал, что нашли чей-то труп. И захотел проверить, все ли у нее в порядке...

– Что вас заставляет думать, что труп женский?

– Ничто не заставляет. Так, подумал, не проведать ли...

– В каких вы с ней отношениях?

– Ну... скажем, друзья.

– Близкие?

– Да нет.

– Спите с ней?

– Нет.

– Спали?

Я хотел было сказать, что это не его дело. Но такова его работа. В подобных ситуациях тайна личной жизни не столь уж важна. Это я знал хорошо.

– Нет.

Мы молча смотрели друг другу в глаза, затем Маккензи вынул из кармана коробочку с мятными лепешками и, не торопясь, положил одну в рот. Я обратил внимание, что у него на шее сидит подозрительной формы родинка.

Маккензи сунул коробочку обратно, так и не предложив мне ни одной конфетки.

– Итак, интимных отношений у вас не было? Просто хорошие друзья, я так понял?

- Знакомы были, и все.
- И тем не менее вы сочли нужным проверить, в порядке ли она. Причем только вы, больше никто.
- Она живет здесь совсем одна. Вдали от людей даже по местным меркам.
- Почему не позвонили?
- Здесь я смешался.
- Даже в голову не пришло...
- У нее есть мобильный телефон?
- Я сказал, что есть.
- Номер знаете?
- Номер Салли был записан у меня в мобильнике. Я стал прокручивать список, заранее зная, что именно он собирается спросить. Надо быть дураком, чтобы не додуматься самому...
- Вызывать? – предложил я, опережая инспектора.
- Валяйте.
- В ожидании ответа он буравил меня взглядом. И что мне сказать Салли, если она подойдет к телефону?.. Хотя, если честно, в это я не верил.
- В доме распахнулось окно спальни, и из него высунулся сержант полиции.
- Сэр, тут в дамской сумочке телефон звонит.
- Мы и сами могли слышать, как позади сержанта негромко переливается электронный колокольчик. Я нажал кнопку отбоя. Мелодия умолкла. Маккензи кивнул напарнику:
- Да, это мы. Продолжайте.
- Сержант исчез. Маккензи почесал подбородок.
- Это еще ничего не доказывает, – сказал он.
- Я промолчал.
- Он вздохнул.
- Чертова жара...
- Первый намек, что на него хоть как-то действует погода.
- Ладно, пойдёмте в тень.
- Мы отошли под защиту дома.
- Родственники у нее есть? – спросил он. – Может, кто-то знает, где она?
- Трудно сказать. Ферма ей досталась по наследству, но, насколько я знаю, в здешних краях у нее никого нет.
- Как насчет приятелей? В смысле, кроме вас?
- Здесь могла таиться некая ловушка, крючок, однако разобрать было трудно.
- В поселке-то у нее знакомые есть, да вот кто конкретно...
- Дружки? – спросил он, следя за моей реакцией.
- Извините, понятия не имею.
- Он неопределенно хмыкнул, глядя на часы.
- И что теперь? – спросил я. – Проверите, совпадает ли ДНК трупа с образцом из ее дома?
- Инспектор вскинул взгляд.
- А вы, похоже, знаете толк в этих делах.
- Я почувствовал, как зарделись щеки.
- Да нет...
- Маккензи не стал копать дальше, и я украдкой перевел дух.
- Как бы то ни было, мы еще не знаем, совершено ли здесь преступление. Есть некая женщина, которая – может быть! – исчезла, и это все. Нет ничего, что связывало бы ее с найденным трупом.
- А собака?
- Возможно, убита другим животным.

– Насколько я заметил, рана на шее выглядит скорее резаной, а не рваной. Она нанесена острым предметом.

Вновь тот же оценивающий взгляд. Я мысленно дал себе пинка за болтливость. Сейчас я просто местный врач. И ничего больше.

– Посмотрим, что скажут эксперты. Пусть даже так; собаку она могла убить своими руками.

– Вы сами в это не верите.

Он явно хотел возразить, однако передумал.

– Нет, не верю. Но и спешить с выводами тоже не собираюсь.

Отворилась входная дверь. Из нее, покачивая головой, вышел сержант:

– Пусто. Впрочем, свет в коридоре и гостиной оставался гореть.

Маккензи кивнул, будто именно такого ответа и ждал. Он повернулся ко мне:

– Не смею вас больше задерживать, доктор Хантер. Позднее пришлем кого-нибудь оформить ваше заявление. И буду признателен, если вы воздержитесь от праздных разговоров на эту тему.

– Разумеется, – ответил я, стараясь скрыть раздражение от того, что меня предупреждали о подобных вещах.

Отвернувшись, Маккензи начал что-то обсуждать с сержантом. Я пошел было прочь, но остановился.

– Да, чуть не забыл, – сказал я. Инспектор бросил на меня недовольный взгляд. – Насчет вашей родинки на шее. Может, ерунда, но сходить на обследование не помешает.

Возвращаясь к машине, я затылком чувствовал, как они смотрят мне вслед.

Словно оглушенный, вел я машину обратно к поселку. Дорога бежала мимо местной «завоуди», точнее, обмелевшего озерца Манхэмуотер, что понемногу, из года в год, уступало натиску камыша. Зеркально-спокойную гладь воды лишь изредка нарушали гусиные стаи. Ни само озерцо, ни забитые осокой протоки или дренажные канавы, прорезавшие соседние болота, нельзя было пройти даже на плоскодонке. Рек поблизости не имелось, и Манхэм обходили стороной речные суда и туристы, наводнявшие прочие места этого озерного края в летнюю пору. Хотя до соседей было не больше нескольких миль, Манхэм казался совсем иной частью Норфолка, одряхлевшей и малоприветливой. Жизнь поселка, окаймленного лесами и плохо осушенными топями, выглядела столь же застойной, как и болота вокруг. Если не считать редкого любителя природы, случайно забредавшего сюда в поисках певчих птиц, Манхэм замкнулся в себе, все глубже и глубже погружаясь в одиночество, словно противный, никем не любимый старик.

Нынешним вечером, будто бы в издевку, поселок в ослепительных лучах солнца выглядел чуть ли не жизнерадостным. Центральная лужайка и церковные клумбы били по глазам красками до того яркими, что становилось больно. Цветы – вот то немногое, чем гордился Манхэм. За ними тщательно ухаживал старый Джордж Мейсон на пару со своим внуком Томом, те самые садовники, которых я встретил в день приезда. Даже поставленный на попа жернов на краю лужайки – памятник Деве-мученице – и тот увешан цветочными гирляндами. Так повелось, что раз в год местные школьники украшали этот древний обелиск, водруженный на месте, где, как гласит молва, в шестнадцатом веке соседи до смерти забили камнями одну женщину. Рассказывают, что она избавила от паралича какого-то ребенка, и за это ее обвинили в колдовстве. Генри как-то пошутил, что только в Манхэме можно стать мучеником за доброе дело, и добавил, что в этом урок для нас обоих.

Домой идти не хотелось, поэтому я отправился в клинику. Я часто бывал там даже без особой необходимости. Временами в моем коттедже становилось одиноко, а у Мейтланда всегда можно найти хотя бы иллюзию работы.

Через заднюю дверь особняка я попал прямо в амбулаторию. Приемной и комнатой ожидания одновременно служила старая оранжерея, полная влажного воздуха и растений, за которыми с любовью присматривала Дженис. Часть первого этажа была превращена в личные апартаменты Генри, но они находились в противоположном крыле особняка – настолько большого, что мог бы разместить всех нас, вместе взятых. Я отправился в старый смотровой кабинет и, закрыв за собой дверь, вновь ощутил умиротворяющий аромат дерева и восковой мастики. Хотя кабинетом этим я пользовался чуть ли не каждый день с момента приезда, он скорее отражал индивидуальность Генри, а не мою: старинная картина с охотничьей сценой, стол-бюро с убирающейся крышкой и добротное кожаное кресло. Полки заполнены его старыми книгами и журналами по медицине, как, впрочем, и по менее типичной для сельского врача тематике. Имелись томики Канта и Ницше, причем одна полка целиком отдана психологии – одному из коньков Генри. Единственным моим личным вкладом в эту обстановку (да и то после нескольких месяцев уговоров) стал компьютерный монитор, тихо гудевший на письменном столе.

Генри так и не удалось полностью восстановить свою работоспособность. Как его кресло-коляска, так и мой контракт превратились в нечто большее, нежели простая временная мера. Сначала контракт продлили, затем, когда выяснилось, что доктор Мейтланд все-таки не сможет управляться с работой в одиночку, мы заключили партнерский договор. Даже старенький «лендровер», на котором я сейчас ездил, тоже в свое время принадлежал Генри. Заезженную, выдавшую лучшие времена машину с коробкой-автоматом он приобрел после той аварии, что оставила его самого парализованным и унесла жизнь Дианы, его жены. Покупка внедорожника была своего рода декларацией о намерениях, когда он все еще цеплялся за надежду, что когда-нибудь сможет вновь ходить и сидеть за рулем. Только этого не случилось. И никогда не случится, как заверили врачи.

– Идиоты. Напяль на человека белый халат, как он тут же возомнит себя богом, – порой язвил Генри.

Однако даже ему пришлось признать, что доктора оказались правы. Так что в придачу к «лендроверу» я унаследовал непрерывно разрастающуюся часть врачебной практики Мейтланда. Поначалу нагрузку мы поделили более или менее поровну, хотя все чаще и чаще занимался работой я один. Это не мешало именно Генри считаться «настоящим» доктором в глазах большинства пациентов, но я давно махнул на это рукой. Жителям Манхэма я по-прежнему казался чужаком и, вероятно, останусь им навсегда.

Сейчас, в предвечернюю жару, я попробовал было побродить по медицинским веб-сайтам, хотя сердце к этому не лежало. Я встал и распахнул обе створки стеклянной двери на террасу. На столе шумно трудился вентилятор, безуспешно пытаясь разогнать тяжелый, застоившийся воздух. Даже при открытой двери разница была чисто психологической. Я бездумно смотрел в сад, аккуратно прибранный и опрятный, и только – как и все остальное в округе – кусты и трава блекли и высыхали чуть ли не на глазах. Сразу за границей сада начиналось озеро Манхэмуотер, так что от неизбежного зимнего паводка нас обычно защищала лишь низенькая насыпь. У крошечной пристани на воде болталась старая парусная шлюпка. Генри торжественно именовал ее морским вельботом, хотя лишь такие плоскодонные лодки и могли подойти для столь обмельчавшего озера. Да, до пролива Те-Солент с его яхтенными гонками нашему озеру ох как далеко. Впрочем, нам обоим нравилось иногда выйти на воду, пусть даже в отдельных местах тут слишком мелко, а камыши растут совершенно непроходимой стеной.

Сегодня, увы, нет никаких шансов поднять парус. Стоял такой штиль, что даже не было ряби. С моего места удавалось разглядеть только дальние камышовые заросли, гребенкой отделявшие озеро от неба. Тишь да гладь, подлинная водяная пустыня, которая могла казаться как умиротворяющей, так и унылой. Все в зависимости от вашего настроения.

Сейчас ничего умиротворяющего я в ней не видел.

– Я так и думал, что это вы.

Я обернулся и увидел, как в комнату въезжает Генри.

– Да так, кое-какой порядок навожу, – сказал я, отрываясь от своих далеко забредших мыслей.

– У вас тут как в печке, – проворчал он, остановившись перед вентилятором. Если не считать ног, Генри мог бы сойти за пышущего здоровьем теннисиста: соломенные волосы, загорелое лицо, живой взгляд.

– И что там такое про мальчишек с мертвецом? Дженис только об этом и говорила, когда занесла обед.

По воскресеньям Дженис обычно приносила судок с тем, что готовила лично себе. Генри настаивал, что в состоянии сам варить обед по выходным, но я заметил, что он редко выкладывается в полную силу на кухне. Дженис – прекрасная повариха, и я подозревал, что ее чувства к Генри не ограничиваются чисто деловыми отношениями хозяина и простой домработницы. Мне представляется, что ее неодобрительное мнение о покойной жене Мейтланда объясняется по большей части ревностью, тем более что Дженис не замужем. Несколько раз она даже бросала намеки на кое-какие скандальные слухи, однако я дал ясно понять, что мне это неинтересно. Пусть даже супружеская жизнь Генри и не была той идиллией, какой она ему представлялась сейчас, я не желал принимать участия в посмертном перемиывании косточек.

Ничего удивительного, что Дженис уже знала про мертвеца. Должно быть, половина поселка гудела слухами.

– Это в Фарнемском лесу, – ответил я.

– Наверное, кто-то из горе-натуралистов. Обвешаются рюкзаками и тащат их, как муравьи, да еще в такое пекло.

– Наверное...

Моя интонация заставила Генри вздернуть брови.

– То есть как? Неужто убийство? То-то развлечемся!

Его веселье поутихло при виде моего насупленного лица.

– Я, видно, поторопился с шутками...

Я рассказал ему про свой визит в дом Салли Палмер, втайне надеясь, что сегодняшние события, облеченные в слова, станут от этого менее реальными. Увы, надежда не оправдалась.

– Боже мой, – мрачно изрек Генри, когда я закончил. – И полиция считает, это она?

– Напрямую ничего не сказали – ни да ни нет. Наверное, не могут пока решить.

– Боже милосердный, что творится на этом свете...

– Может, это вовсе и не она.

– Конечно, не она, – тут же подхватил Генри. Но я видел, что он верит в это не больше моего. – Что ж, не знаю, как вы, а я бы не отказался от стопочки.

– Спасибо, я – пас.

– Решили оставить место для «Барашка»?

«Барашком» здесь звали местный паб «Черный ягненок».

Я часто бывал в этом единственном на весь поселок кабачке, хотя нынешним вечером, подозревал я, мне не захочется присоединиться к главной теме обсуждения.

– Да нет. Думаю сегодня просто посидеть дома, – ответил я.

Мой дом, дряхленький каменный коттеджик, стоял на краю поселка. Я купил его, когда окончательно стало ясно, что останусь здесь дольше чем на шесть месяцев. Генри уверял, что был бы рад предоставить мне кров у себя, и, бог свидетель, его «Банк-хаус» действительно огромен. В одном только винном погребе мог бы целиком поместиться мой коттедж. Но к тому времени я был готов начать обживать свое собственное гнездо, почувствовать себя пустившим корни, а не просто временным постояльцем. И пусть даже мне нравилась новая работа, жить с ней вместе я не хотел. Бывают такие моменты, когда тянет закрыть за собой дверь и надеяться, что хотя бы несколько часов не будет звонить телефон.

Как раз такие чувства я испытывал сейчас.

Навстречу моему автомобилю тянулась немногочисленная вереница людей, идущих на вечернюю службу. При входе в церковь стоял Скарсдейл, приходский священник. Пожилой суровый человек, который, признаться, не вызывал у меня теплых чувств. Он, однако, занимал свой пост много лет, и за ним шла пусть небольшая, но преданная паства. Из окна машины я помахал Джудит Саттон, вдове, жившей под одной крышей с великовозрастным сыном Рупертом, толстым увальнем, который всегда тащился на два шага позади своей властной матери. Джудит о чем-то беседовала с супругами Гудчайлд. Эта пара, Ли и Маржери, являла собой классический пример четы ипохондриков, постоянных пациентов нашей амбулатории. Я даже испугался, что сейчас меня остановят на импровизированную консультацию. В Манхэме не признавали за врачами права на нормированный рабочий день.

Впрочем, в тот вечер меня не задержали ни эти двое, ни кто-либо еще. Я припарковался на потрескавшейся от жары грунтовой площадке возле коттеджа и вошел в дом. Царила страшная духота. Я настежь распахнул все окна и достал из холодильника банку пива. «Пусть мы и не собираемся идти сегодня в «Барашек», но человеку все равно надобно промочить горло». Стоило так подумать, как до того потянуло выпить, что я убрал пиво обратно и налил себе джина с тоником.

Бросив наколотого льда в стакан и добавив дольку лимона, я сел за деревянный столик в саду за домом. Мой сад через поле выходил на лес, и хоть вид не столь впечатлял, как с террасы клиники, унылым его тоже не назовешь. Я не торопясь прикончил свой джин, поджарил яичницу и съел ее на воздухе. Жара наконец-то начала спадать. Я сидел за столиком и смотрел, как нерешительно проступают звезды в неторопливо меркнушем небе. Мысли вращались вокруг тех событий, что разворачивались сейчас в нескольких милях от моего дома, в доселе мирном уголке, где братья Йейтс сделали страшное открытие. Я попробовал мысленно представить, что Салли Палмер сейчас смеется где-то, что она цела и невредима, будто одной только силой мысли это можно превратить в реальность. Но по какой-то причине образ ускользал.

Оттягивая минуту, когда мне придется идти в дом и пытаться там заснуть, я проторчал в саду, пока небо не потемнело до темно-фиолетового бархата, испещренного уколами мерцающих звезд-семафоров, бессвязно лепечущих повесть о давно угасших пылинках света.

Задыхаясь, залитый потом, я проснулся как от толчка. Бессмысленно огляделся вокруг, не понимая, где нахожусь. Затем вновь вернулась реальность. Совершенно голый, я стоял у открытого окна спальни. Подоконник больно врезался в бедра, потому что я уже почти наполовину высунулся наружу. Неуверенно подавшись назад, я сел на кровать. В свете луны смятые простыни отсвечивали белизной. На лице подсыхали слезы, и я ждал, когда сердце перестанет бешено колотиться.

Опять этот сон.

Мой вечный, сегодня особенно страшный, кошмар. Всегда столь яркий, что пробуждение казалось иллюзией, сон – явью. Вот в чем его жестокость. Потому что в снах Кара и Алиса, мои жена и шестилетняя дочь, все еще живы. Их можно было увидеть, с ними можно было поговорить. Прикоснуться. Во сне я мог верить, что у нас по-прежнему есть будущее, а не только прошлое.

Я страшился своих снов. Не просто оттого, что кошмары пугают. Нет, наоборот.

Я страшился снов потому, что за ними всегда ждало пробуждение.

Вновь возникала боль утраты, столь же резкая, как и в тот жуткий день. Часто бывало, что я просыпался в другом месте, как лунатик, чье тело ведет себя независимо от воли хозяина. Я мог очнуться, как сегодня, стоя у раскрытого окна, или на самом вершине крутой и опасной

лестницы, ничего не помня о том, как попал туда или какая подсознательная сила меня туда загнала.

Несмотря на теплую до отвращения ночь, меня пробрал озноб. Снаружи донеслось одинокое лисье тявканье. Спустя некоторое время я лег и потом просто смотрел в потолок, пока не поблекли тени и не растаяла тьма.

Глава 4

Над болотами еще клубился туман, когда молодая женщина прикрыла за собой дверь и начала свою утреннюю пробежку. Лин Меткалф бежала легко и с удовольствием, как хорошо тренированный легкоатлет. Недавнее растяжение икроножной мышцы еще давало о себе знать, так что Лин, не желая переусердствовать, поначалу взяла легкий темп, перейдя затем на непринужденный, длинный мах. Оставив позади узкий переулок, где стоял ее дом, она свернула на заросшую тропинку, ведущую к озеру через пересохшее болото.

По ногам хлестали длинные стебли травы, мокрые и холодные от росы. Лин вдохнула полной грудью, радуясь утреннему воздуху. И пусть сегодня понедельник, нет лучшего способа начать новую неделю. Сейчас ее любимое время суток, где нет места заботам, нет бухгалтерских книг фермеров и мелких лавочников, всегда встречающих в штывы ее советы. Еще впереди огорчения, печали и обиды на людей. А сейчас мир свеж и ярок. В нем звучит лишь ритм ее бега и хрипловатый метроном дыхания.

Лин исполнился тридцать один год, она отличалась великолепным здоровьем, силой воли и собранностью, позволявшими поддерживать прекрасную спортивную форму, означавшую к тому же, что она отлично смотрится в тугих шортах и короткой футболке (хотя признаться в этом вслух нахальства не хватало). А ведь дело облегчалось тем, что ей просто нравилось себя так вести. Нравилось выкладываться без остатка, а потом подстегивать еще немножко. Что может быть лучше, чем, надев в начале дня пару кроссовок, оставлять за спиной милю за милей, пока мир вокруг тебя только-только оживает? Если и есть лучший способ, то он ей пока неизвестен.

«Если, конечно, не считать секса». А вот тут в последнее время чего-то не доставало. Не в смысле желания, нет: хватало одним глазом посмотреть на Маркуса под душем – как он смывает с себя цементную пыль очередного рабочего дня, как его темные волосы ондатровым мехом мокро липнут к коже, – и внизу живота что-то вновь сжималось пружиной. Но в те минуты, когда за удовольствием стояло кое-что еще, радость физического наслаждения при-туплялась для них обоих. Тем более что ничего не вышло.

Пока что.

Стараясь не сбиться с ноги, не потерять ритм, Лин перемахнула через канаву. «Потерять ритм, – поморщившись, подумала она. – Мечтай дальше». Все ритмы ее тела – как по часам. Каждый месяц без осечки, чуть ли не день в день, начиналось ненавистное кровотечение, означавшее конец очередного цикла и очередное разочарование. Врачи говорили, что с ними обоими все в порядке, просто у некоторых на это уходит больше времени. Кто его знает почему... «Попытайтесь еще», – советовали медики. И Лин с Маркусом пытались вновь и вновь. Поначалу даже было смешно, что врачи «прописали» то, что им обоим и так нравилось делать. «Секс по рецепту», – порой шутил Маркус. Потом шуток поубавилось и на их место пришло... Отчаяние? Пожалуй, еще нет. Однако червячок безысходности уже начал подтачивать все стороны их отношений, окрашивая жизнь в иной цвет.

Никто из них вслух об этом не говорил. Хотя и имел основания. Лин знала, как досадовал Маркус, что его зарплата строительного рабочего была меньше, чем у супруги-бухгалтера. Взаимные упреки еще не прозвучали, но она боялась, что их время не за горами. И она знала, что способна уязвить, поддеть человека ничуть не меньше, чем Маркус. Внешне все пока выглядело гладко; они уверяли друг друга, что причин для тревоги нет, что торопиться ни к чему. Да ведь на бесплодные попытки и так ушли годы, а еще через четыре ей станет тридцать пять. Тот самый возраст, после которого – как она всегда утверждала – ребенка заводить уже не будет. Лин быстро подсчитала в уме: «Еще сорок восемь месячных». Пугающе мало. Сорок восемь

возможных причин для разочарования, вдобавок к тем, что были. Впрочем, нынешний месяц оказался иным. В этот месяц разочарование запаздывает на три дня.

Она быстро притушила искру встрепенувшейся надежды. Еще слишком рано. Даже Маркус и тот пока не знает, что месячные не пришли. Ни к чему будить в нем необоснованные надежды. Подождем несколько дней и уже тогда сделаем тест. От этой мысли у нее защемило под сердцем. «Беги, просто беги, не думай», – приказала она себе.

Уже поднималось солнце, лакируя небо напротив. Тропинка шла вдоль приозерной насыпи, ведя сквозь камыши к темной стене леса. Над водой лениво курился туман, словно озеро вот-вот займется пламенем. В тишине вдруг плеснула хвостом рыбка-попрыгунья. Как все-таки здорово! Лин страстно любила лето, любила этот пейзаж. Хотя она родом из здешних мест, ей доводилось уезжать далеко: университет, заграничные путешествия... Только она всегда возвращалась домой. «Богом обласканный край», – всегда повторял отец. Нельзя сказать, чтобы Лин верила в Бога, но ей было ясно, что отец имел в виду.

Скоро начнутся ее любимые места. Тропинка раздвоилась, и Лин свернула к лесу. Она замедлила бег, когда деревья сомкнулись над головой, пряча ее в тени. В неясном свете можно запросто споткнуться об какой-нибудь корень. Был уже такой случай, и ей пришлось пропустить два месяца пробежек из-за растяжения.

Однако солнце, хоть еще и низкое, уже начало пробиваться сквозь сумрак, превращая листву в ажурную, светящуюся решетку. Местные леса очень старые, настоящие дебри из мертвых стволов, задушенных ползучими растениями. Болотистая, предательская почва. Лабиринт обманчивых, извилистых троп, способных заманить неосторожного путника в самую чащу – и там внезапно исчезнуть.

Как-то раз, едва переехав в их нынешний дом, Лин опрометчиво решила исследовать этот лес на одной из пробежек. Минули часы, прежде чем ей по чистой случайности удалось выбраться на знакомую тропинку. К тому времени, когда она вернулась домой, Маркус не находил себе места от тревоги. С тех пор Лин всегда держалась одной и той же тропы.

Половину ее шестимильного маршрута обозначала небольшая поляна с древним каменным обелиском посередине. Возможно, что когда-то он был частью магического круга, как в Стонхендже, а может, попросту служил столбом для ворот. Ответа уже никто не знал. Поросший травой и лишайником, обелиск один помнил свою историю и тайны. Камень, впрочем, отлично подходил в качестве указателя, и Лин взяла в привычку похлопывать его шершавый бок, разворачиваясь в обратный путь.

До поляны оставалось несколько минут бега. Глубоко и ритмично дыша, Лин стала думать о завтраке, чтобы подхлестнуть себя.

Когда появилась тревога, сказать трудно. Скорее все началось с растущего подспудного чувства, которое в итоге облеклось во вполне сознательную мысль. Внезапно лес показался неестественно молчаливым. Подавляющим. Топот ног по тропинке стал звучать слишком громко в наступившей тишине. Лин решила махнуть рукой на это ощущение, но оно упорно продолжало напоминать о себе, усиливаясь с каждым мигот. Тянуло обернуться назад. Что такое? Можно подумать, она никогда не бегала этим маршрутом последние два года, почти каждое утро. Но раньше такого беспокойства не было...

Сегодня все по-другому. Волосы на затылке встали дыбом, словно кто-то смотрел ей в спину. «Не будь дурой», – сказала она себе. И все же желание обернуться росло. Лин упрямо вглядывалась в дорожку перед глазами. Единственным живым существом, что ей как-то довелось здесь увидеть, был олень. Сейчас, однако, на оленя что-то не похоже. «Потому что никакого оленя нет. Вообще ничего нет, одни только выдумки. У тебя на три дня задержка, и ты просто на взводе».

Эта мысль ее отвлекла, но ненадолго. Она рискнула бросить за плечо косой взгляд и заметила одни лишь темные ветки и уходившую за поворот тропинку. Нога тут же за что-то заце-

пилась, и Лин мельницей замахала руками, пытаясь удержать равновесие. Отчаянно заколотилось сердце. «Идиотка!» Вот-вот должна появиться поляна, оазис солнечных зайчиков среди задуманного леса... Лин поднажала, шлепнула ладонью по грубо отесанному плечу каменного обелиска и быстро развернулась кругом.

Пусто. Одни только деревья, погруженные в мрачное раздумье среди сумеречных теней.

«А ты чего хотела? Лешего увидеть?» Впрочем, Лин все еще не уходила с поляны. Ни птичьего пения, ни шуршания насекомых – ничего. Будто лес затаил дыхание в печальной тиши. Стало вдруг страшно посягнуть на это безмолвие, покинуть убежище, каким казалась поляна в этот миг, и вновь ощутить, как вокруг тебя смыкаются деревья. «И что ты собираешься делать? Торчать здесь целый день?»

Не дав себе времени на раздумья, Лин оттолкнулась от камня. Пять минут – и вновь свобода. Она представила, как это будет: открытые поля, озерный простор, чистое небо. Тревога еще подтачивала изнутри, но слабее. А тенистый лес становился все прозрачнее, и солнце уже бросало впереди свои лучи. Лин начала успокаиваться и тут, чуть поодаль, заметила нечто необычное.

Она остановилась в нескольких шагах. Распластавшись поперек тропинки, словно после ритуала жертвоприношения, на земле лежал мертвый кролик. Нет, не кролик. Заяц с перемороженной кровью шерстью.

Раньше такого не встречалось.

Лин быстро огляделась кругом. Увы, деревья отказывались объяснить, откуда взялся зверек. Лин переступила через тушку и снова перешла на бег. «Лиса, – сказала она про себя, выходя на привычный ритм. – Должно быть, я ее спугнула». Да, но как ее ни пугай, лиса не оставит добычу. И что-то не похоже, чтобы зайчика просто так бросили. Такое впечатление, что...

Что это сделали нарочно.

Да нет, ерунда какая-то... Лин выбросила из головы эту мысль и припустила по тропинке. И вот уже опушка леса, снова открытая местность, снова видна гладь озера. Беспокойство, ощущавшееся несколькими минутами раньше, стало проходить, угасая с каждым новым шагом. В солнечном свете оно казалось абсурдным. Даже до постыдности нелепым.

Позднее Маркус припомнит, что, когда его жена вернулась домой, по радио передавали местные новости. Пока Лин закладывала хлебные ломти в тостер и резала бананы, он рассказал ей, что совсем неподалеку, в нескольких милях, нашли чей-то труп. Должно быть, уже тогда подсознательно возникла мысль о какой-то, еще неясной, связи между событиями, потому что Лин упомянула о мертвом зайце. Впрочем, сделала она это в шутовском тоне, подсмеиваясь над собственными страхами. К моменту, когда поджаренный хлеб выскочил из тостера, все происшествие казалось обоим супругам совершенно незначительным.

После возвращения Лин из душа они больше не вспоминали о находке.

Глава 5

Я уже наполовину закончил с утренним приемом, когда появился Маккензи. Дженис принесла эту новость вместе с историей болезни следующего пациента. От любопытства глаза домработницы сделались круглыми.

– К вам пришел полицейский. Старший инспектор Маккензи.

Сам не знаю почему, но сообщение меня не удивило. Я взглянул на обложку амбулаторной карты. Анн Бенчли, старушка восьмидесяти лет с хроническим артритом. Старая знакомая.

– Сколько еще? – спросил я, оттягивая время.

– После этой – трое.

– Скажите ему, что я быстро. Да, и пригласите миссис Бенчли.

Дженис на секунду остолбенела, однако ничего не сказала. Я сомневался, что к этому моменту в поселке имелся хотя бы один человек, который не знал бы, что днем раньше нашли чей-то труп. Пока что, впрочем, никто, кажется, не думал о Салли Палмер. Интересно, сколько еще это продлится?..

Вплоть до ухода Дженис я делал вид, что изучаю историю болезни. Ясно, что Маккензи не пришел бы без насущной необходимости, причем вряд ли у кого-то из утренних пациентов было нечто действительно серьезное. Я сам не знал, почему заставляю инспектора ждать, если не считать полного нежелания слышать, с чем он пожаловал.

Я пытался об этом не думать, занимаясь следующей пациенткой. Строил сочувственную мину, пока миссис Бенчли демонстрировала узловатые пальцы, давал совершенно бесполезные советы, выписывая очередной рецепт на успокоительные, и неопределенно улыбался ей в спину, пока она ковыляла к выходу. Теперь же откладывать дальше нельзя...

– Зовите его, – сказал я Дженис.

– Он, кажется, не в духе, – предупредила она.

Завидев Маккензи, я понял, что это еще мягко сказано.

Лицо покрыто румянцем глубокого раздражения, а челюсть воинственно торчит вперед.

– Вы так любезны, доктор Хантер, – начал он, едва скрывая язвительные нотки. В руках Маккензи держал кожаную папку, которую и положил себе на колени, без приглашения усевшись напротив.

– Чем могу служить, инспектор?

– Кое-что хотелось бы прояснить.

– Труп идентифицировали?

– Пока нет.

Он вынул из кармашка коробочку с мятными лепешками и кинул одну в рот. Я ждал. Мне достаточно приходилось видеть полицейских, чтобы разучиться нервничать, пока они ведут свою игру.

– А я-то думал, что таких мест уже не осталось. Ну, вы понимаете: мелкий семейный доктор, обходы на дому, всякое такое прочее, – сказал он, оглядывая комнату.

Его глаза остановились на книжных полках.

– О, масса книжек по психологии. Интересуетесь, значит?

– Это не мои. Моего партнера.

– Угу... И сколько же пациентов у вас на двоих?

Интересно, куда он клонит?

– Я бы сказал, пятьсот – шестьсот.

– Неужто так много?

– Поселок невелик, но участок большой.

Он кивнул, будто мы беседовали о самых обычных вещах.

– В большом городе все несколько по-другому, да?

– Пожалуй.

– Скучаете по Лондону?

Теперь ясно, что за этим последует. И опять-таки удивляться нечему. Как под грузом, заныли плечи.

– Может быть, скажете, зачем пришли?

– После нашего вчерашнего разговора я навел кое-какие справки. Все-таки полицейский, знаете ли.

Он холодно уставился мне в лицо.

– У вас впечатляющая биография, доктор Хантер. Никак не ожидал такого от деревенского врача.

Расстегнув молнию на папке, инспектор принялся демонстративно копаться в бумагах.

– Медицинский диплом, затем докторская по антропологии, да еще какая... Потом стажировка в Штатах, в Университете Теннесси. И возвращение в Англию на должность судмедэксперта-антрополога. – Он склонил голову набок. – Вы знаете, я даже не совсем понимаю, что это за штука такая, судебная антропология, а ведь прослужил в полиции лет двадцать. «Судебная» – оно, конечно, понятно. А вот «антропология»? Я-то всегда думал, что это когда изучают древние кости. Типа археологии. О том, как бежит мимо нас скоротечное время...

– Кстати, не хотелось бы вас подгонять, но меня все-таки пациенты ждут.

– О, я вас не задержу ни на лишнюю секундочку. И так, копаясь в Интернете, я нашел кое-какие ваши статьи. И заглавия такие любопытные...

Он вытащил листок бумаги.

– «Роль энтомологии в датировке смерти». «Химия разложения человеческого трупа».

Маккензи опустил распечатку.

– Тонкая материя, не каждому по зубам... Словом, я позвонил одному своему другу в Лондон. Он инспектор в столичном управлении. Оказывается, он о вас наслышан. Сюрприз-сюрприз! Вы, судя по всему, работали консультантом по целому ряду дел из разряда особо тяжких. Да еще в нескольких подразделениях: Англия, Шотландия, даже Северная Ирландия. Мой приятель сказал, что вы – один из немногих дипломированных судебных антропологов во всей стране. Работали на массовых захоронениях в Ираке, Боснии, Конго. Да вы сами лучше меня знаете где... По его словам, когда речь идет о человеческих останках, вы, как говорится, «то, что доктор прописал». Не просто идентификация, а сколько прошло времени, отчего люди погибли... Он сказал, будто ваша работа начинается там, где опускают руки патологоанатомы.

– К чему все это?

– Да к тому, что мне не дает покоя одна мыслишка: почему вы вчера об этом умолчали? А ведь вам было известно, что найден труп; вы сами подозревали, что это могла быть одна из местных жительниц, и отлично знали, что личность погибшей нам надо установить до зарезу быстро.

Голоса Маккензи не повышал, хотя лицо побагровело еще больше.

– Моему другу в управлении все это показалось весьма странным, если не сказать больше. И что же у нас получается? Я, старший следователь, кому поручено дело об убийстве, лицемерно перед собой одного из крупнейших судмедэкспертов, который разыгрывает из себя участкового врача-терапевта.

Я не преминул мысленно отметить, что он наконец-то произнес слово «убийство».

– Я и есть терапевт.

– Да, но не только! Отчего такая таинственность?

– Оттого, что моя прежняя профессия в данном случае роли не играет. Сейчас я просто врач.

Маккензи задумчиво разглядывал меня, будто решая, нет ли здесь какой шутки.

– После того звонка я еще кое-где справлялся. Мне известно, что вы работаете терапевтом лишь последние три года. Оставили судебную антропологию и появились у нас после того, как ваши жена и дочь погибли в автокатастрофе. Пьяный водитель второй машины отделался легким испугом.

Я сидел неподвижно, как камень. У Маккензи хватило такта хотя бы внешне казаться смущенным.

– Не хотел я беречь старые раны, да если бы вы вчера были со мной откровенны, до этого, наверное, не дошло бы. В конце концов, дело в том, что нам нужна ваша помощь.

Я знал, что он ждет от меня вопроса «какая именно?», но задавать его не стал. Так или иначе, инспектор продолжил:

– Состояние трупа затрудняет идентификацию. Нам известно, что это женщина, и только. И до тех пор, пока не будет установлена личность, у нас связаны руки. Мы не можем начать полномасштабное расследование, пока на сто процентов не будем знать, кто же жертва.

Против своей воли я вступил в разговор:

– Вы сказали «на сто процентов». У меня впечатление, что на девяносто девять вы все же уверены.

– Мы до сих пор не можем отыскать Салли Палмер.

Да, этого я ожидал, хотя все равно испытал шок от того, что подозрения оправдались.

– Кое-кто припомнил, что она приходила в кабачок на барбекю, да пока что нет ни одного, кто мог бы сказать, что видел ее после того вечера, – продолжил Маккензи. – Прошло почти две недели. Мы взяли образцы ДНК у трупа и из ее дома, однако результаты появятся не раньше чем через неделю.

– Что с отпечатками пальцев?

– Никакой надежды. И мы пока что не можем сказать: то ли разложение зашло так далеко, то ли подушечки пальцев срезали нарочно.

– А зубы?

Он покачал головой.

– Для экспертизы их осталось слишком мало.

– Выбили?

– Можно и так сказать. Или специально, чтобы не дать опознать тело, или просто при нанесении травм. Пока не знаем.

Я потер веки.

– Значит, точно убийство?

– О, насчет этого сомнений нет, – мрачно ответил он. – Разложение в такой стадии, что нельзя понять, имело ли место изнасилование, но мы думаем, что да. И после этого ее убили.

– Как?

Не отвечая, Маккензи достал из папки большой конверт и бросил его на стол. Из-под клапана глянцево блеснули краешки фотографий. Рука самопроизвольно потянулась к ним, прежде чем я сообразил, что делаю.

Я оттолкнул конверт.

– Спасибо, не надо.

– Я подумал, может, вам захочется самому взглянуть.

– Я уже сказал, что помочь не могу.

– Не можете или не хотите?

Я потряс головой.

– Извините.

Маккензи еще пару секунд смотрел мне в лицо, потом резко встал.

– Спасибо, что выкроили для меня время, доктор Хантер.

В его голосе звякал ледок.

– Вы забыли, – протянул я ему конверт.

– Оставьте у себя. Может, захотите взглянуть попозже.

Он вышел из кабинета. Конверт по-прежнему был у меня в руке. Все, что требовалось сделать, – это вытряхнуть фотографии. Вместо этого я выдвинул ящик стола и бросил туда всю пачку. Закрыв ящик, я попросил Дженис пригласить очередного пациента.

Увы, вплоть до конца утреннего приема мысль о конверте не давала покоя. При каждом разговоре, каждом обследовании я чувствовал, как он прямо-таки тянет к себе. Когда последний пациент закрыл за собой дверь, я попытался отвлечься, заполняя историю болезни. Покончив с этим, я встал и подошел к выходу на террасу. Еще два обхода после обеда – и весь вечер мой. Был бы хоть какой ветерок, я мог бы взять шляпку и пройтись под парусом. Однако, с учетом нынешней погоды, на воде я лег бы в такой же дрейф, в каком чувствовал себя прямо сейчас, на твердой земле.

После того как Маккензи коснулся моего прошлого, внутри все как-то странно онемело. Полицейский словно бы говорил о ком-то еще. О другом Дэвиде Хантере, о том, кто погружался в алхимию смерти, видел конечный продукт бесчисленных случаев насилия, катастроф и слепой жестокости природы. На череп под покровом кожи я смотрел как на объект исследования, гордясь знанием, о существовании которого слышали очень и очень немногие люди. Что происходит с телом человека, когда его покинет жизнь? Для меня здесь нет тайны за семью печатями. Я был близко знаком с биологическим распадом во всех его формах, мог предсказать его ход в зависимости от погоды, характера почвы, времени года. Жутко? Да. Но необходимо. И, словно колдун, я упивался своим умением определить, когда, как и кто. О том, что это некогда были реальные люди, личности, я помнил всегда, однако лишь в абстрактном смысле; этих незнакомцев я узнавал только в смерти, не в жизни.

А потом два человека, которых я любил больше всего на свете, были у меня украдены. Жена и дочь, как свечи, потушенные пьяницей, ни капельки не пострадавшим при катастрофе. Кара и Алиса, в мгновение ока превращенные из живых, полных энергии людей в мертвую органику. И я знал, с абсолютной, клинической точностью знал, что за физические метаморфозы им предстоит пройти, чуть ли не с точностью до часа. И все это знание не могло дать ответа на тот единственный вопрос, который стал меня преследовать: «Где они?» Что произошло с жизнью, которая в них когда-то заключалась? Как мог весь этот пыл, этот вкус к бытию просто-напросто исчезнуть?

Я не ведал ответа, и это незнание давило невыносимым грузом. Коллеги и друзья были полны сочувствия, а я их даже не замечал. С какой радостью я погрузился бы с головой в пучину работы, но она стала лишь постоянным напоминанием о моей потере и о вопросах, на которые я не мог ответить.

И я бежал. Повернулся спиной ко всему, что знал, заново освоил прежнюю медицинскую профессию и спрятался здесь, в глуши. Самому себе дал пусть и не новую жизнь, но хотя бы новое занятие в жизни. Занятие, связанное с живыми, а не с мертвыми; занятие, при котором я мог отсрочить эту последнюю трансформацию, пусть и по-прежнему непонятную для меня. И все получилось.

Точнее, получалось. До сегодняшнего дня.

Я вернулся к столу и выдвинул ящик. Достал фотографии. «Взгляну и верну их Маккензи. Я ничего никому не обещал», – оправдался я перед самим собой и перевернул снимки.

Не знаю, что я ожидал при этом почувствовать, но уж точно не ощущение привычности происходящего. Я не про сами снимки: Бог свидетель, что за потрясение я пережил. Нет, меня словно вернули на шаг в прошлое. Непроизвольно, безотчетно я начал изучать фото.

Шесть кадров, сделанных под разными ракурсами и с разных сторон. Я быстро перетащил снимки и вернулся к самому первому. Тело обнажено, лежит ничком с вытянутыми над

головой руками, словно ныряя в длинные стебли болотной травы. Пол по фотографиям определить невозможно. Потемневшая кожа свисает складками, как плохо подогнанный комбинезон, но внимание привлекает совсем иное. Сэм оказался прав. Он говорил, будто у тела были крылья, и это действительно так.

По обеим сторонам позвоночного столба шли два глубоких разреза. Придавая труп вид падшего, гниющего ангела, в разрезы воткнуты белые лебединые крылья.

На фоне разлагающейся кожи это выглядело омерзительно. Я еще пару секунд рассматривал крылья, потом занялся изучением самого тела. Из ран рисовыми зернами сыпались опарыши. Не только из-под лопаток, но и из многочисленных более мелких ран на спине, руках и ногах. Разложение зашло очень далеко. Жара и влажность сами по себе ускоряют процесс, а тут еще потрудились животные и насекомые. Впрочем, каждый такой фактор рассказывает свою собственную историю, помогая воссоздать хронологию происшедшего.

На последних трех снимках тело перевернуто. Те же самые мелкие порезы на туловище и конечностях, а лицо выглядит бесформенной массой перемолотых костей. Ниже подбородка – выставленные напоказ хрящи рассеченной гортани, более твердые и не столь быстро подверженные гниению, как покрывавшие их мягкие ткани. Мне припомнилась Бесс, шотландская овчарка Салли Палмер. Собаке тоже перерезали шею.

В очередной раз я стал просматривать снимки. Осознав, что пытаюсь найти на них знакомые черты погибшей женщины, отложил фотографии в сторону. Я все еще сидел за столом, когда в дверь постучали.

Генри.

– Дженис сказала, что приходила полиция. Что, деревенские опять взялись за скотоложество?

– Это насчет вчерашнего.

– А-а... – Он посерьезнел. – Проблемы?

– Да нет.

Здесь я слукавил. Было неловко утаивать что-то от Генри, но я никогда не вдавался в подробности своей прошлой жизни. Хоть он и знал, что я работал антропологом, сфера эта достаточно обширна, чтобы спрятать в ней сколько угодно грехов. Судебно-медицинская сторона моей профессии, участие в полицейских расследованиях – все это я скрыл от Генри. Разговаривать о таких вещах мне не хотелось.

И сегодняшний день не был исключением.

Его привлекли лежавшие на столе снимки. Он находился слишком далеко, чтобы разобрать детали, но почудилось, будто меня поймали с поличным. Генри вскинул брови, следя, как я убираю фотографии обратно в конверт.

– Может, отложим пока этот разговор?

– Конечно. Я в общем-то и не думал совать нос в ваши дела.

– Да не в этом дело. Просто... просто есть кое-какие вещи, которые мне надо обдумать.

– У вас все в порядке? Вы, кажется, несколько... озабочены.

– Да нет, все нормально.

Он кивнул, хотя обеспокоенность в глазах осталась.

– Может, как-нибудь покатаемся на лодке? Немного физзарядки нам обоим не помешает.

Пусть Генри и не мог самостоятельно забираться в шлюпку или покидать ее, увечье не мешало ему грести или управлять парусом.

– Договорились, но лучше через пару дней.

Было видно, как ему хочется расспросить меня. Впрочем, передумав, он обратным ходом подъехал к двери.

– Ладно, явлюсь по вашему первому зову. Где меня найти, вы знаете.

Когда Генри покинул кабинет, я откинулся в кресле, задрал лицо к потолку и зажмурился. «Я этого не хотел». А с другой стороны, кому вообще такого хочется? Не мертвой женщине, это уж точно. Я подумал о только что увиденных снимках и понял, что у меня – как и у нее самой – выбора нет.

Маккензи оставил свою визитку вместе с фотографиями. Увы, добраться до него не получилось ни через офис, ни по мобильнику. Я там и там записался на автоответчик с просьбой перезвонить, потом повесил трубку. Не могу сказать, что, приняв решение, я почувствовал облегчение, и все же часть груза скатилась с плеч.

После этого оставалось разобраться с утренним обходом. Только два пациента, в обоих случаях ничего серьезного: ребенок со свинкой и прикованный к постели старик, не желавший принимать пищу. Когда я с ними закончил, наступило время обедать. Я уже ехал назад, размышляя, где бы перекусить, дома или в пабе, как запищал мобильник.

Я судорожно схватил его, но оказалось, что это всего лишь Дженис с сообщением, что звонили из школы. Их, видите ли, беспокоит Сэм Йейтс и нельзя ли, чтобы доктор заехал на него посмотреть?

Я согласился. Все-таки хорошо, что можно заняться чем-то конструктивным, ожидая звонка от Маккензи.

Очувтившись вновь в Манхэме, я отметил про себя, что присутствие полиции на улицах послужило отрезвляющим напоминанием о случившемся. Униформа констеблей резко выделялась на фоне веселеньких цветов, ярко раскрасивших церковный дворик и главную лужайку, а над всем поселком витало ощущение молчаливого и явного возбуждения. Школа, впрочем, выглядела вполне обычно. Хотя детям постарше и приходилось миль пять добираться до ближайшей средней школы, в Манхэме все еще имелась своя – маленькая – начальная. Залитый солнечными лучами дворик школы, некогда служившей часовней, был переполнен детским шумом и гамом. Шла последняя учебная неделя перед длинными летними каникулами, и возникало впечатление, что мысль об этом только подхлестывала обычную истерию большой перемены. Какая-то малышка мячиком отскочила от моих ног, увертываясь от своей подружки, пытавшейся ее осалить. Хихикая, они убежали прочь, настолько занятые игрой, что едва ли обратили на меня внимание.

Чувствуя знакомую пустоту под сердцем, я зашел внутрь. Бетти, секретарша, подарила мне ослепительную улыбку, когда я постучал в распахнутую дверь учительской.

– А, здравствуйте! Вы насчет Сэма?

Крошечная, всегда доброжелательная Бетти прожила в поселке всю жизнь. Ни разу не побывав замужем, она делила кров со своим братом и считала школьных учеников частью собственной, пусть даже изрядно разросшейся, семьи.

– Ну и как он? – спросил я.

Бетти наморщила носик.

– Да что-то хандрит. Он сейчас в санчасти. Зайдите туда, взгляните сами.

В действительности этим громким словом «санчасть» именовалась комнатуха с умывальником, кушеткой и аптечкой первой помощи. Сэм сидел, свесив ноги и понурился. Ребенок выглядел осунувшимся и, казалось, готов был вот-вот разрыдаться.

Рядом находилась молодая женщина и тихим, умиротворяющим голосом читала ему книжку с картинками. Увидев меня, она с облегчением остановилась.

– Здравствуйте, я доктор Хантер, – сказал я и улыбнулся мальчику. – И как мы себя чувствуем, Сэм?

– Он немножко устал, – ответила женщина за ребенка. – Вроде бы прошлой ночью у него были кошмары. Да, Сэм?

Она говорила спокойно, без снисходительности, будто все это совершенно естественно. Наверное, его учительница, хотя раньше мы не встречались, да и акцент ее звучал не так

заметно, как у местных. Сэм нахохлился и уткнулся подбородком себе в грудь. Я присел на корточки, чтобы мы могли посмотреть друг другу в глаза.

– Это правда, Сэм? Какие кошмары?

Впрочем, посмотрев снимки, я и сам знал, что это за кошмары. Ребенок, не поднимая лица, хранил молчание.

– Ну ладно, давай-ка я тебя посмотрю, хорошо?

Я не ожидал найти ничего по своей медицинской части и оказался прав. Температура, может, и слегка завышена, но не более того. Я потрепал его по голове и встал.

– Здоров как бык. Знаешь что, ты посиди пока, а мы с учительницей немного поговорим, ладно?

– Нет! – вскрикнул он, запаниковав.

Учительница ободряюще улыбнулась.

– Это ничего, Сэм, мы ведь будем совсем рядом, в коридоре – я даже дверь открою, – а потом сразу вернусь, хорошо?

Она протянула Сэму книгу. Помедлив секунду и насупившись, ребенок взял ее. Я вышел вслед за учительницей. Как и было обещано, она оставила дверь приоткрытой, однако отошла в сторонку, чтобы нас не было слышно.

– Извините, что пришлось вас вызвать. Я просто не знала, что делать, – тихо сказала она. – У него была самая настоящая истерика. Ребенка словно подменили.

Мне снова вспомнились фотографии.

– Я полагаю, вы знаете о вчерашнем?

Она поморщилась.

– В том-то и дело, что все знают. И каждому из детей хотелось об этом услышать из первых уст. Для него это оказалось слишком жутким.

– Родителей вызвали?

– Попыталась. Ни по одному номеру, что у нас есть, их не оказалось. – Она виновато пожала плечами. – И вот поэтому я подумала, что лучше вызвать вас. Я очень, очень о нем беспокоюсь.

Было видно, что это правда.

Я бы дал ей тридцать лет. Белокурые, коротко подстриженные волосы выглядели вполне естественно, хотя и казались много светлее темноватых бровей, которые сейчас перерезала тревожная складка. Лицо слегка присыпано веснушками, особо заметными на фоне легкого загара.

– Он пережил серьезный шок. Возможно, потребуется время на восстановление, – сказал я.

– Бедняжка Сэм. И ведь накануне летних каникул... – Она кинула взгляд в сторону приоткрытой двери. – Вы считаете, ему понадобится психотерапевт?

Я и сам об этом подумывал. Если не наступит улучшений в ближайшие день-два, мне придется выписывать направление. Увы, мне самому довелось пройти таким путем, и я знал, что порой прикосновение к ране заставляет ее кровоточить еще сильнее. Я бы предпочел дать Сэму шанс самостоятельно выздороветь, пусть даже такой подход и шел вразрез с новомодными взглядами.

– Посмотрим, как пойдет дело. Может быть, к концу недели он сам встанет на ноги и даже будет бегать.

– Надеюсь...

– Думаю, сейчас самое лучше – отправить его домой, – сказал я. – А вы не звонили в школу, где учится его старший брат? Может быть, там знают, где и как найти родителей?

– Н-нет. Никому это даже в голову не пришло.

Она выглядела раздосадованной на саму себя.

– Есть кому с ним посидеть, пока они не приедут?

– Я посижу. А в классе меня подменят, я найду кого-нибудь. – Тут она сделала круглые глаза. – Ой, простите, я ведь не сказала! Я его учительница!

Я улыбнулся:

– Да я так и подумал.

– Боже мой, и даже не представилась! – При вспыхнувшем румянце веснушки проступили заметнее. – Дженни. Дженни Хаммонд.

Она застенчиво протянула руку. Теплая и сухая ладонь. Мне вспомнилось, как кто-то упоминал, будто в начале года появилась новая учительница, но впервые увидеть ее довелось только сегодня. Вроде бы.

– Мне кажется, я вас раза два видела в «Барашке», – сказала она.

– Возможно. Ночная жизнь здесь несколько ограничена.

Она усмехнулась:

– Да, я заметила. Так ведь мы потому и приезжаем в такие места. Уйти от всего остального...

Должно быть, у меня что-то промелькнуло на лице.

– Простите, но... у вас такое произношение... я и подумала, что вы не местный...

– Да нет, ничего, я действительно не отсюда.

Все же мой ответ, видимо, не до конца ее успокоил.

– Мне, наверное, лучше вернуться к мальчику.

Вместе с ней я зашел попрощаться с Сэмом и убедиться, что ему на самом деле не требуется успокоительное. Надо будет навестить вечером и сказать матери, чтобы не пускала его в школу еще несколько дней, пока болезненные воспоминания об увиденном не покроются достаточно прочной коркой, которая позволит ему выдержать бесцеремонные тычки его школьных товарищей.

Я уже подходил к «лендроверу», когда зазвонил мобильник.

Маккензи.

– Вы сообщение оставляли, – начал он без предисловий.

Слова из меня хлынули безудержным потоком:

– Я помогу вам идентифицировать труп, и на этом все. Я не собираюсь влезать в это дело дальше, договорились?

– Как скажете.

Нет, не чувствовалось благодарности в таком ответе. А с другой стороны, не столь уж любезным было и мое предложение.

– И как думаете начать?

– Мне надо посмотреть, где нашли труп.

– Труп уже в морге, я мог бы вас там встретить – скажем, через час...

– Нет-нет, мне не нужен труп. Только место, где его нашли.

Его раздражение ощущалось даже через телефон.

– Почему? Что это даст?

У меня пересохло во рту.

– Попробую собрать «гербарий»...

Глава 6

Над болотом лениво плыла цапля, скользя по волнам ледящего воздуха. Со стороны она казалась слишком большой, чтобы держаться в небе: гигант в сравнении с мелкой болотной птицей, на которую временами падала ее тень. Уйдя в вираж, цапля стала снижаться и, дважды хлопнув крыльями, села на воду. Высокомерно тряхнув головой, она неторопливо пробралась через мелководье и застыла окаменевшей статуей на ногах-тростинках.

Я неохотно оторвал от нее взгляд, заслышав подходящего Маккензи.

– Вот, – сказал он, протягивая запечатанный пластиковый пакет. – Надевайте.

Достав белый хлопковый комбинезон, я сунул в штанины ноги и, следя, чтобы не провать тонкую ткань, стал натягивать его поверх ботинок и брюк. Стоило только застегнуться, как сразу выступил пот. До отвращения знакомое чувство влажного дискомфорта.

Словно шагнул назад во времени.

Я не мог стряхнуть с себя ощущение дежавю с той самой минуты, как встретился с Маккензи на пустыре, куда днем раньше привел за собой двух полицейских. Сейчас дорога в два ряда была уставлена патрульными машинами и внушительными автофургонами, что служат в качестве мобильных командно-спасательных центров или штабов. После того как я надел комбинезон и полотняные бахилы, мы, не говоря ни слова, прошли через болото по тропинке, обозначенной параллельными полосками оранжевой полицейской ленты. Я знал: Маккензи хочет спросить, чем я собираюсь заняться; знал также и то, что он думал, будто такое его любопытство выглядело бы признаком слабости в моих глазах. Сам я, однако, ничего не говорил вовсе не из тщеславного желания разыгрывать из себя влиятельную, неприступную особу. Просто оттягивал как можно дольше тот момент, когда придется взглянуть в лицо тому, ради чего я здесь очутился.

Место находки трупа было отгорожено дополнительными полосками ленты. Внутри, обезличенные белыми комбинезонами, копались в траве сотрудники полиции. Это зрелище вновь вызвало к жизни непрошенные воспоминания.

– У кого этот поганый «Викс»? – спросил Маккензи, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

Какая-то женщина протянула ему пахучую смесь. Маккензи мазнул себе под носом и предложил баночку мне.

– Там еще довольно сильно воняет, хотя труп уже убрали.

Было время, когда я настолько сжился с запахами, присущими моей работе, что уже не беспокоился о них. Только все это в прошлом. Я нанес мазок камфорно-ментолового вазелина поверх верхней губы и, энергично шевеля пальцами, просунул руки в пару резиновых хирургических перчаток.

– Если хотите, есть маска, – сказал Маккензи. Я машинально замотал головой. Мне никогда не нравилось надевать респиратор без острой необходимости. – Тогда пошли.

Он нырнул под оранжевую ленту. Я за ним. Внутри круга полицейские из спецбригады прочесывали почву. Дюжина небольших маркеров, воткнутых в землю, обозначала точки, где были найдены потенциальные вещдоки. Я заранее знал, что большинство из них бесполезны: конфетные фантики, окурки и фрагменты костей животных, не имеющие никакого отношения к тому, что пытается обнаружить спецбригада. С другой стороны, на этом этапе полиция не знала и не могла знать, что важно, а что – нет. Все будет разложено по пакетикам и убрано для дальнейшего исследования.

В нашу сторону кое-кто кинул парочку любопытствующих взглядов. Тем временем лично меня интересовал только центральный участок. Здесь трава почернела и погибла, напоминая

кострище. Хотя убил ее не огонь. Стало заметно кое-что еще: прорезавшийся даже сквозь защитный ментол запах, который ни с чем не спутаешь.

Маккензи бросил в рот мятную лепешку и убрал коробочку в карман, ни с кем не поделившись.

– Это доктор Хантер, – сообщил он полицейским, хрустя лепешкой. – Он судебный антрополог. Будет помогать нам идентифицировать труп.

– Да ну? Ох, видно, придется ему повозиться, – заметил один из сотрудников. – Трупато здесь нет.

Послышался смех. Их можно понять: они занимались своей работой и встречали в штыки любые попытки вмешаться. Особенно со стороны гражданских. С таким отношением я уже сталкивался.

– Доктор Хантер здесь по поручению старшего следователя Райана. И вы, разумеется, окажете ему всю помощь, какая потребуется. – В голосе Маккензи зазвучало раздражение. Лица вокруг внезапно стали совершенно непроницаемыми, и я понял, что этот выпад пришелся против шерсти. Впрочем, мне было все равно. Я уже сидел на корточках возле полоски мертвой травы.

По своей форме она напоминала контуры ранее лежавшего здесь тела. Силуэт гниения. На земле еще корчились несколько червей, а на черных раздавленных стеблях снежными хлопьями были разбросаны белые перья.

Я осмотрел одно из них.

– Крылья точно от лебедя?

– Думаем, да, – ответил один из полицейских. – Мы их послали орнитологу на проверку.

– Пробы грунта?

– Уже в лаборатории.

По содержанию железа в почве можно определить, сколько крови впиталось в землю. Если жертве перерезали горло на месте обнаружения трупа, то концентрация железа окажется высокой. Если нет, то рану нанесли либо после смерти, либо женщину убили где-то еще, а тело бросили здесь.

– Что с насекомыми? – спросил я.

– Мы, знаете ли, не в первый раз это проделываем...

– Знаю. Просто хочу выяснить, как далеко вы продвинулись.

Полицейский преувеличенно тяжело вздохнул.

– Да, образцы насекомых собраны.

– И что выяснилось?

– Их по-научному называют «личинки».

Фырканье и сдавленные смешки. Я вскинул взгляд.

– А куколки?

– В смысле?

– Какой у них окрас? Бледные? Темные? Слущенные коконы находили?

Полицейский заморгал, вдруг помрачнев. Смех прекратился.

– Жуки? Много было жуков на теле?

Он на меня уставился, будто увидел ненормального.

– Слушайте, это вам не урок биологии, а расследование убийства!

Ясно. Старая полицейская косточка. Воспитанники современной школы ревностно изучают новые методики, готовы перенять любой опыт – лишь бы помогло делу. Но остаются и такие, кто сопротивляется всему, что не укладывается в их расписанные сто лет назад правила существования. Не раз и не два доводилось мне с ними сталкиваться. Похоже, из таких здесь собрали целый заповедник.

Я обернулся к Маккензи.

– У разных насекомых разные циклы развития. Эти личинки – вот они, видите? – в основном от мясных мух. Мухи трупные и падальные зеленые. При наличии открытых ран можно ожидать, что насекомые прилетят к телу немедленно. Они начинают откладывать яйца в течение часа, если стоит светлое время суток.

Пошарив кругом, я подобрал одну неподвижную личинку и положил ее на ладонь.

– Вот эта скоро окуклится. Чем старше личинка, тем она темнее. Судя по внешнему виду, я бы сказал, что этому экземпляру дней семь-восемь. Я не вижу вокруг никаких коконных фрагментов, а это означает, что куколки еще не выводились. Полный цикл развития мясной мухи занимает четырнадцать суток – стало быть, труп находился здесь более короткое время.

Я выкинул личинку обратно в траву. Остальные полицейские прислушивались, бросив работать.

– Итак, исходя из общего характера деятельности насекомых, мы имеем дело с интервалом где-то между одной и двумя неделями с момента смерти. Я полагаю, вы знаете, что это такое? – И я показал пальцем на следы желтовато-белесой массы, прилипшей к некоторым травинкам.

– Побочный продукт разложения, – холодно ответил полицейский.

– Правильно, – сказал я. – Это липоцера, она же трупный воск. По сути, это мыло, образованное жирными кислотами мягких тканей при разложении мускульного белка. Сильно повышает щелочность почвы, что, собственно говоря, и является причиной гибели мелкой растительности. И если вы внимательно посмотрите на эти белые комочки, то увидите, что они хрупкие и рассыпчатые. Это свидетельствует о довольно быстром процессе разложения, потому как в противном случае липоцера была бы эластичнее. Что согласуется с картиной обнаружения трупа, пролежавшего на воздухе в жаркую погоду, да еще со множеством открытых ран, куда свободно могут проникать бактерии. С другой стороны, липоцеры не так много, что опять-таки согласуется с предположением, что с момента смерти прошло менее двух недель.

Вокруг стояла полная тишина.

– Насколько меньше? – наконец подал голос Маккензи.

– Без дополнительной информации сказать невозможно. – Я посмотрел на хиреющие растения и пожал плечами. – Навскидку, даже с учетом быстрых темпов разложения, я бы дал девять, может быть, десять дней. Если бы дольше, то в такую жару уже наступила бы полная скелетонизация.

Разговаривая, я продолжал взглядом обшаривать мертвую траву, пытаясь отыскать то, что – как я надеялся – могло здесь находиться.

– Как был сориентирован труп? – обратился я к полицейскому.

– Сориен... Чего?

– Голова куда смотрела?

Насупившись, полисмен показал пальцем. Перед глазами всплыли снимки, я представил, как были вытянуты над головой руки, и стал осматривать землю в том месте. Того, что я искал, в траве не нашлось, поэтому я начал разворачивать спираль поиска, осторожно раздвигая пальцами травяные стебли и разглядывая то, что находится возле корней.

Я уже стал подумывать, что ничего нет, что какое-то трупоядное животное меня опередило, когда в глаза бросился искомый предмет.

– Попрошу пакет для вещдоков.

Дождавшись пакета, я сунул руку в траву и осторожно выудил иссохший, сморщенный лоскут коричневого цвета.

– Это что? – спросил Маккензи, по-журавлиному вытянув шею.

– Примерно через неделю после смерти начинается так называемая пеллолапсия. Соскальзывание эпидермиса, если угодно. Вот почему кожа у трупа выглядит такой сморщенной, будто

не по размеру. Особенно на руках. В конечном итоге кожа сходит полностью, как перчатка. Очень часто таким вещам не придают значения, поскольку люди не знают, что это такое, и принимают за пожелтую листву.

Я выставил на обозрение прозрачный пакет с клочком телесной ткани, похожим на пергамент.

– Вы говорили, что хотите обнаружить отпечатки пальцев?

Маккензи даже отпрянул.

– Шутите?!

– Нет. Не знаю, с какой это кисти – правой или левой, но вторая «перчатка» должна быть где-то рядом, если только не досталась животным. Так что дальнейший поиск оставляю в ваших надежных руках.

Один из полицейских фыркнул.

– И как прикажете снимать с него отпечатки? – язвительно спросил он. – Да вы сами посмотрите! Шелуха какая-то, да и только!

– О, здесь все просто, – меланхолично возразил я, начиная даже испытывать некое удовольствие. – Куриный суп из пакетика знаете? Как говорится, «только добавь воды» – и вуаля! – Ответом был тупой взгляд. – Короче, оставьте лоскут на ночь в воде. Он набухнет, и вы сможете натянуть его на руку. Так что гарантирую вполне приличный набор «пальчиков» для анализа.

Я вручил ему пакет.

– Да, кстати. На вашем месте я бы привлек кого-нибудь с ладонью поизящней. И пусть заранее наденут хирургические перчатки.

Оставив полицейского разглядывать трофей, я нырнул под ленту и вышел из круга. Начиная сказываться реактивное состояние. Я сбросил комбинезон и защитные бахилы, радуясь свободе.

Пока я сминая спецодежду в комок, подошел Маккензи. Он задумчиво качал головой.

– Да-а, правду говорят: век живи, век учишься... Где это вы так наловчились?

– В Штатах. Провел пару лет в судебно-антропологическом центре Теннесси. На «трупферме», как его неофициально именуют. Единственное место в мире, где процессы разложения изучают на настоящих человеческих трупах. Сколько это занимает при различных условиях, какие факторы влияют и так далее... ФБР там обучает своих агентов технике обработки места преступления. – Я кивнул в сторону полицейского, раздраженно раздававшего указания остальным сотрудникам. – Нам бы, наверное, тоже не помешало такое заведение.

– Ага, от них дождешься... – Маккензи принялся стаскивать с себя комбинезон. – Ненавижу эти чертовы тряпки... – пробормотал он, отряхивая костюм. – Так вы считаете, она была мертва дней десять?

Я стянул с рук резину. Запах латекса и влажная кожа вызвали к жизни куда больше воспоминаний, чем хотелось.

– Девять или десять. Правда, это вовсе не значит, что тело все время пролежало здесь. Его могли привезти откуда-то еще, но, думаю, ваши эксперты сумеют ответить на такой вопрос.

– Вы могли бы им помочь.

– Извините, я обещал помочь с идентификацией трупа. Завтра к этому часу вам станет понятнее, кто он. – «Или она», – подумал я про себя и тем не менее промолчал. Маккензи, однако, видел меня насквозь.

– Мы всерьез взялись за розыск Салли Палмер. На данный момент никто из опрошенных не видел ее после барбекю. Она сделала заказ в бакалейной лавке, а на следующий день, когда он был выполнен, за ним не явилась. Кроме того, по утрам она обычно звонила киоскерам, чтобы ей принесли газеты. Заядлая читательница «Гардиан», судя по всему. Но и прессу она перестала получать.

Во мне начало расти темное, уродливое чувство.

– И до сих пор об этом никто не сообщил?

– Видимо, нет. Такое впечатление, что ее никто не хватился. Все думали, она куда-то уехала или просто занята своей книгой... Киоскер сказал, что она вроде не из местных. А вы говорите, в деревне все на виду...

Я-то ничего не говорил. Не мог. Ведь я и сам не заметил ее отсутствия.

– Это еще не значит, что речь идет о Салли. Вечеринка в пабе состоялась почти две недели назад. Обнаруженная жертва, кем бы она ни была, погибла позже. И кстати, что с ее мобильным телефоном?

– А что с ним такое?

– Когда я звонил, он все еще работал. Если бы она отсутствовала все это время, то аккумулятор давно бы сел.

– Не обязательно. Модель новая, режим ожидания рассчитан на четыреста часов, то есть порядка шестнадцати суток. Возможно, рекламное преувеличение, хотя если мобильник действительно не использовался и просто пролежал в ее сумочке, то мог бы протянуть все эти дни.

– Все равно жертвой может быть кто-то другой, – уперся я, сам себе не веря.

– Может, и так. – Судя по тону, у инспектора имелось в запасе нечто, чем он не хотел со мной делиться. – Как ни крути, а убийцу найти надо.

С этим не поспоришь.

– Вы думаете, это кто-то из местных? Из поселка?

– Я вообще пока ничего не думаю. Жертвой могла стать туристка, путешествовавшая автостопом, а убийца просто выбросил ее по дороге. Сказать пока трудно. – Он втянул воздух сквозь зубы. – Послушайте...

– Ответом все равно будет «нет».

– Вы даже не знаете, что я хочу сказать.

– Нет, знаю. Еще одна просьба. Потом еще одна, и еще. – Я потряс головой. – Такими делами я больше не занимаюсь. Для этого есть и другие люди в стране.

– Их не так много. А вы – лучший.

– Уже нет. Я сделал все, что мог.

Холодное, бесстрастное лицо.

– В самом деле?

Отвернувшись, Маккензи пошел прочь, оставив меня добираться до «лендровера» в одиночку. Я поехал было назад, но как только пропал из поля зрения, свернул на обочину. Безудержно тряслись руки. Внезапно стало трудно дышать. Я уронил голову на руль, стараясь не глотать воздух ртом как рыба, потому что знал, что от гипервентиляции станет только хуже.

Наконец отпустило. Мокрая от пота рубашка после панического приступа липла к спине, и все же я не шевелился, пока сзади не раздался гудок. К месту, где моя машина перегородила проезд, приближался трактор. Пока я смотрел на него, тракторист несколько раз сердито махнул мне: «Уйди с дороги!» Я поднял руку, признавая свою вину, и тронулся в путь.

К тому времени, как я добрался до поселка, напряжение спало. Голода пока нет, однако я понимал, что должен чем-то перекусить. Я остановился возле магазина, выполнявшего здесь роль супермаркета, и решил взять себе сэндвич. «Захвачу его домой и прикорну на часок-полтора, чтобы к вечернему приему привести мысли в порядок». Минувя аптеку, я едва не налетел на выходящую из дверей молодую женщину. Она была мне знакома: пациентка Генри, одна из тех преданных душ, что до сих пор предпочитали ходить на консультации именно к нему, пусть даже приходилось долго сидеть в очереди. Как-то раз, когда Генри был занят, мне довелось ее принять, и теперь я силился припомнить ее имя. «Лин, – всплыло в голове. – Лин Меткалф».

– Ой, извините! – воскликнула она, прижимая к груди пакет.

– Ничего страшного. Как вы поживаете, кстати?

Улыбка от уха до уха.

– Спасибо, отлично!

Глядя ей вслед, я, помнится, даже подумал: «Как это здорово – встретить совершенно счастливого человека». И на этом выбросил ее из головы.

Глава 7

Лин позднее обычного достигла насыпи, рассекавшей заросли камыша. К тому же этим утром туман стоял плотнее, чем вчера. Все вокруг было окутано одеялом из белого дыма, завывавшегося бесформенными узорами, на которых никак не хотел фокусироваться взгляд. Позднее всю дымку выжжет солнце, и к обеду день станет одним из самых жарких в году. Но пока... пока вокруг холодно и сыро, а солнце и жара кажутся небылицей.

В теле ощущалась некая одеревенелость, и было как-то не по себе. Прошлой ночью они с Маркусом засиделись допоздна из-за телефильма, и сейчас организм протестовал. С огромной неохотой вытащив себя из постели, Лин даже пару раз огрызнулась на Маркуса, который отказался войти в ее положение и, ворча в ответ, заперся в душе. Сейчас, на воздухе, Лин чувствовала, как ноют и протестуют мышцы. «Ничего, вылечим бегом. Скоро станет легче». Она поморщилась. «Ну-ну...»

Чтобы отвлечься от мысли, какой трудной выдалась сегодняшняя пробежка, Лин подумала о коробочке, что она спрятала в комод под своими лифчиками и трусиками, где Маркус никогда на нее не наткнется, это уж точно. Интерес к ее нижнему белью он проявлял исключительно тогда, когда оно было на ней надето.

Заходя в аптеку, Лин вовсе не планировала покупать тест-комплект для проверки беременности, но, заметив его на полке, под влиянием какого-то порыва положила одну из коробочек в корзинку, рядом с гигиеническими тампонами, которые, как она надеялась, ей не понадобятся. Впрочем, даже в ту минуту она чуть было не передумала. В здешних местах очень трудно хоть что-то сохранить в тайне, поэтому покупка подобных вещей вполне могла означать, что к концу дня весь поселок будет провожать тебя понимающим взглядом.

Аптека, однако, оказалась пуста, и лишь за кассой стояла скучающая девушка. Работала она тут недавно, была совершенно безразлична к любому человеку старше восемнадцати и вряд ли обратила бы внимание, что покупает себе Лин, не говоря уже о желании посплетничать. Лин подошла с пылающим лицом и сделала вид, что роется в сумочке в поисках кошелька, пока кассирша безучастно пробивала чек.

Сияя, как ребенок, Лин выскочила на улицу и чуть было не столкнулась с одним из местных врачей. С тем, который помоложе. Не с доктором Генри. Этого звали доктор Хантер. Тихий, но симпатичный. Его появление вызвало немалый переполох среди поселковых дам, хотя док, кажется, этого даже не заметил. Он, наверное, принял ее за ненормальную, пока она улыбалась ему во весь рот, будто идиотка. Или вообразил, что она к нему неровно дышит. Эта мысль вновь заставила ее улыбнуться.

Пробежка стала приносить плоды. Наконец-то начала проходить одеревенелость, переставали ныть мышцы, разогретые потоком крови. Лес уже совсем близко, и, глядя на него, Лин почувствовала, как в подсознании шевельнулись какие-то темные ассоциации. Поначалу, увлеченная воспоминаниями об аптеке, она не могла понять, в чем дело. И тут в голове всплыло. Она совсем забыла про мертвого зайца, что попался ей вчера на тропинке. И еще за ней кто-то следил...

Внезапно перспектива вновь оказаться в лесу – особенно в такой туман – показалась до странности непривлекательной. «Дура», – подумала Лин, изо всех сил пытаясь прогнать эту мысль, и все же несколько сбросила темп, приближаясь к лесу. Сообразив, что происходит, она досадливо щелкнула языком и прибавила скорость. Лишь у самой опушки ей вдруг вспомнилась убитая, труп которой недавно нашли. «Да, только ведь не здесь, – сказала она себе и кисло добавила: – И потом, убийца должен быть мазохистом, чтобы в такую рань слоняться по лесам». Вокруг уже начинали смыкаться деревья.

С облегчением она отметила, что дурные предчувствия, осаждавшие ее днем раньше, при этом не материализовались. Лес вновь стал просто лесом. Тропинка пуста – мертвый заяц, без сомнения, уже превратился в одно из промежуточных звеньев пищевой цепи. Природа есть природа. Лин бросила взгляд на секундомер и, отметив, что отстает на одну-две минуты против обычного времени, прибавила темп. Каменный столб уже был виден, темным пятном пробиваясь сквозь туман. Лин вот-вот должна была с ним поравняться, и тут до нее дошло: что-то не так. Через мгновение свет и тень встали на свои места, и всякие мысли о беге вылетели из головы.

К камню была привязана мертвая птица. Дикая утка, перехваченная проволокой за шею и ноги. Придя в себя, Лин быстро огляделась. Смотреть, впрочем, оказалось не на что. Только деревья кругом – и дохлая утка. Лин смахнула пот с бровей и пригляделась к птице. В тех местах, где тонкая нить врезалась в кожу, перья потемнели от крови. Не зная, что делать – отвязывать птицу или нет, – бегунья нагнулась, чтобы получше рассмотреть проволоку.

Птица открыла глаза.

Вскрикнув, Лин отшатнулась, а утка тем временем судорожно забилась о камень, дергая стянувшую горло проволоку. От этого становилось только хуже, но Лин не решалась приблизиться к бешено хлопавшим крыльям. Потихоньку вернулась способность рассуждать, и в голове стала выстраиваться связь между птицей и вчерашним зайцем, будто специально выложенным на тропинке. Слепящей вспышкой сверкнула догадка.

Если утка до сих пор жива, значит, она здесь не так долго. Кто-то сделал это недавно.

И этот кто-то знал, что Лин наткнется на птицу.

Часть ее существа пыталась протестовать, настаивая, что все это бред, фантазия. Однако Лин уже неслась назад со всех ног. Ветки хлестали розгами; бег стал гонкой; в голове одна только мысль: «Беги, беги, беги!» Не важно, глупо это или нет – только бы вырваться из леса на волю. Еще один поворот – и она увидит луг. Воздух хрипел в горле, глаза простреливали заросли справа и слева: вот-вот из них кто-то вынырнет. Но нет, никого. То ли стон, то ли всхлип вырвался у последнего поворота. «Еще немного», – проскочила мысль, уже готова была нахлынуть волна облегчения – и тут что-то схватило ее за ногу.

Реагировать времени не было. Лин кубарем полетела на землю, удар вышиб воздух из легких. Она не могла дышать, не могла шевельнуться. Оглушенная, она с трудом сделала вдох, затем другой, глоткой всасывая сырой запах суглинка. Не веря себе, Лин пыталась отыскать взглядом предмет, о который споткнулась. Нога неуклюже вытянута, ступня вывернута под странным углом. Лодыжка перехвачена блестящей леской. Нет, не леской.

Проволокой.

Осознание пришло слишком поздно. Она еще не успела встать на ноги, как сверху упала тень. Что-то прижалось к лицу, не давая вздохнуть. Лин дернулась, пытаясь всеми силами, что оставались в руках и ногах, вырваться из облака едкой химической вони. Сил не хватало. А сейчас и они начали иссякать. Трепыхания становились все слабее, от нее уплывало утро, свет таял, уступая темноте. «Нет!» Она хотела бороться, но все глубже и глубже тонула во мраке, как галька, упавшая в колодезь.

Что испытывала она, пока не угасло сознание? Чувство неверия, нереальности? Может быть, хотя и недолго.

О нет, совсем недолго.

Для остальных жителей поселка день начался как обычно. Может, только чуточку напряженнее из-за постоянного присутствия полиции и догадок о том, кем могла оказаться мертвая женщина. «Мыльная опера», воплощенная в жизнь; мелодрама, разыгрываемая прямо на подмостках Манхэма. Да, кто-то умер, и все же в глазах большинства инцидент выглядел довольно отвлеченным и, стало быть, не трагичным. По общему, хотя и не высказанному мнению, убита

была совершенно посторонняя женщина. Будь она из своих, разве это не стало бы ясно? Разве ее не хватились бы, не распознали бы тут же виновника? Нет, гораздо проще считать, что пострадал кто-то из чужаков. Какой-то пришелец из городских, кому хватило дурости сесть не в ту машину, чтобы теперь оказаться щепкой, выброшенной ураганом судьбы на местные берега. Так что происходящее воспринималось чуть ли не как развлечение, диковинка, которой можно упиваться, не мучаясь печалью и скорбью.

Даже то обстоятельство, что полиция расспрашивала про Салли Палмер, не изменило общего настроения. Всякий знал, что она писательница, часто уезжавшая в Лондон. В памяти людей ее лицо до сих пор слишком ново, чтобы проводить какую-то параллель с находкой на болоте. Словом, Манхэм оказался не в состоянии отнестись к происходящему серьезно и согласиться с тем, что обитатели поселка выступают не просто как зрители, а, напротив, играют в деле гораздо более важную роль.

Еще не сядет солнце, как все изменится.

В моем случае это произошло в одиннадцать часов утра, со звонком от Маккензи. Спал я плохо и пришел в амбулаторию пораньше, чтобы стряхнуть с себя остатки очередного кошмара с привидениями. Когда затрещал телефон и Дженис сообщила, кто на проводе, в животе опять шевельнулась тугая спираль.

– Соедините.

Пауза показалась бесконечной, хотя и не такой длинной, как хотелось бы.

– Отпечатки совпали, – начал Маккензи без предисловий, – это Салли Палмер.

– Вы уверены?

(«Дурацкий вопрос», – тут же подумал я.)

– Никаких сомнений. Отпечатки совпали с образцами из ее дома. Кстати, она у нас проходила по картотеке. Как-то раз задержали на манифестации, еще студенткой.

Не думал я, что у Салли такой воинственный характер... Да я так и не узнал ее по-настоящему. И никогда теперь не узнаю.

У Маккензи было еще не все.

– Сейчас, когда мы точно установили личность, можно серьезно взяться за дело. Но я подумал, что вам, возможно, будет интересно узнать, что мы до сих пор не нашли никого, кто бы мог вспомнить, что видел ее после той вечеринки в пабе.

Он многозначительно замолчал, как если бы мне следовало сделать какой-то вывод. Пришлось напрячь память, и через пару секунд я сказал:

– Вы имеете в виду, что даты не сходятся?

– Нет, не сходятся, если с момента смерти и впрямь прошло девять-десять суток. Сейчас дело выглядит так, будто она пропала почти две недели назад. Недостает нескольких дней.

– Так ведь данные приблизительные, – возразил я. – Я мог и ошибиться. А что говорит патологоанатом?

– Говорит, что исследует труп, – сухо ответил инспектор. – И пока что против ваших выводов не возражает.

Неудивительно. Как-то раз мне довелось работать над телом жертвы, пролежавшим в морозильной камере несколько недель, прежде чем убийца избавился от трупа. Впрочем, процесс разложения обычно идет по графику, который меняется в зависимости от среды – замедляется или ускоряется, следуя окружающей температуре и влажности. Стоит только внести поправки на такие факторы, как процесс становится вполне понятным. И то, что я видел накануне на болоте (я до сих пор не сумел совершить эмоциональный скачок и отождествить труп со знакомой мне женщиной), можно было интерпретировать точно так же, как показания секундомера. Вопрос лишь в умении истолковать факты.

Увы, на такое способны далеко не все патологоанатомы. В определенной части судебная медицина и антропология сближаются друг с другом. Однако как только дело касается далеко

зашедшего процесса разложения, большинство патологоанатомов умывают руки. Их область – выявление причин смерти, что все более и более затрудняется по мере распада биологических структур. И вот здесь начиналась моя работа.

«С которой покончено», – напомнил я себе.

– Вы меня слышите, доктор Хантер?

– Да, слышу.

– Прекрасно. Потому что мы, похоже, угодили в тупик. Нам так или иначе надо выяснить, что случилось в «недостающие» дни.

– Она могла попросту куда-то уехать. Скажем, ее вызвали и не было времени хоть кого-нибудь предупредить.

– Ага. И как только она вернулась, ее тут же убили, да так быстро, что в поселке ее никто не видел.

– Это возможно, – возразил я упрямо. – Скажем, пришла домой, а там грабитель сидит...

– Да, могла спугнуть бандита, – согласился Маккензи. – Тогда тем более надо установить точное время.

– И все же я-то тут при чем?

– А как быть с собакой?

– С собакой? – машинально повторил я, хотя уже понял, куда он клонит.

– Логично предположить, что тот, кто убил Салли Палмер, прикончил и ее собаку.

Отсюда вопрос: сколько времени была мертва собака?

Меня охватило двойственное чувство: уважение к сообразительности Маккензи и досада на себя. Разумеется, я изо всех сил старался обо всем этом не думать, но было время, когда мне не требовалось чужих подсказок.

Он продолжил:

– Если собака была мертва приблизительно столько же, тогда ваша версия про грабителя приобретает больший вес. Салли откуда-то приезжает, ее собака расстраивает планы взломщика, он их убивает и на болоте избавляется от трупа хозяйки. Что-то в этом духе. Но! Если собака была убита раньше, то дело предстает в ином свете. Потому как в этом случае убийца не сразу прикончил свою жертву. Он ее где-то держал, пока она ему не наскучила, и лишь затем взялся за нож.

Маккензи выдержал паузу, чтобы смысл его слов полностью дошел до меня.

– Итак, я бы сказал, что нам надо кое-что выяснить. Вы согласны со мной, доктор Хантер?

Дом Салли Палмер сильно изменился с момента моего последнего приезда. Тогда он просто стоял, молчаливый и пустой; сейчас же встречал суровых и непрощенных гостей. Дворик заставлен полицейскими машинами, повсюду снуют озабоченные эксперты-криминалисты, кто в спецодежде, кто просто в униформе. Но деловитое оживление, казалось, только подчеркивало общее впечатление заброшенности, превратив этот дом из жилища в жалкую и совсем свежую «капсулу времени», которую потрошат и разглядывают под лупой.

«Такое ощущение, что от самой Салли здесь ничего не осталось», – пришло мне в голову, пока мы с Маккензи пересекали дворик.

– Приезжал ветеринар насчет коз, – сообщил он. – Половина уже передохла, а еще пару пришлось забить. Он говорит, что удивительно, как вообще кто-то из них выжил. Еще день-два – и все. Конечно, козье племя так просто не выморишь, но он думает, что надо недели две без воды и корма, чтобы довести их до такого состояния.

То место позади дома, где я нашел овчарку, было обнесено лентой, однако в остальном ничего не изменилось. Никто не торопился убирать собачий труп, так что или эксперты здесь уже закончили, или считали, что есть задачи поважнее. Маккензи остался чуть позади, хрустя своими мятными лепешками, а я присел на корточки, чтобы получше рассмотреть неболь-

шое тельце. Бесс мне казалась покрупнее – и совсем не обязательно, что память выкидывает фокусы; просто разложение уже изрядно потрепало останки.

Шерсть вводила в заблуждение, скрывая то обстоятельство, что от собаки остались почти одни кости. Впрочем, сухожилия и хрящи еще на месте – в частности перерезанная трахея, которую можно видеть в зияющей ране на шее, – а вот от мягких тканей толком ничего не сохранилось. Подобрал палку, я легонько потыкал в землю вокруг трупа, заглянул в пустые глазницы и встал.

– Итак? – спросил Маккензи.

– Трудно сказать. Здесь надо учесть меньшую массу тела, к тому же и шерсть повлияла на скорость распада. В какой степени, я не знаю. Единственный сопоставимый опыт моей работы касался свиней, а у них шкура голая, без волосяного покрова. Правда, я бы сказал, что в нашем случае насекомым было сложнее откладывать яйца, исключая участки открытых ран. В общем, шерсть, наверное, замедлила процесс.

Я скорее беседовал сам с собой, чем с Маккензи, расчищая память от паутины, просеивая зерна знаний, доселе пребывавших в спячке.

– До открытых мягких тканей добрались животные. Видите, вот тут, возле глазниц? Кость обглодана. Для лис отверстие уж очень маленькое; так что повинны, наверное, грызуны и птицы. Причем шуровали они на весьма раннем этапе, потому как слишком сильная вонь их бы отпугнула. С другой стороны, это означает уменьшение объема мягких тканей и, как следствие, не столь интенсивную деятельность насекомых. Кстати, почва здесь гораздо суше, чем на болоте, где вы нашли мертвую женщину. – У меня так и не получалось сказать «Салли Палмер». – Вот почему труп выглядит столь высохшим. При такой жаре, без влаги, он мумифицируется, что меняет характер процесса разложения.

– Стало быть, вы не знаете, как давно убили собаку? – подстегнул меня Маккензи.

– «Знать» – значит быть уверенным. Я просто говорю, что здесь замешана масса переменных. Могу сказать – думаю, однако имейте в виду, что оценка только предварительная. Нельзя же получить бесспорные и быстрые ответы при беглом осмотре!

– Но все же?

– Ну хорошо. Пустых коконов я не обнаружил, хотя некоторые куколки скоро должны лопнуть. Они явно старше тех, что мы видим вокруг трупа, так как темнее окрашены. – И я показал на открытую рану на собачьей шее. Около нее, в траве, ползало несколько блестящих точек. – А вот и жуки. Не очень много, да они обычно и приходят позже. Если угодно, первую волну десанта составляют именно мухи и их личинки. По мере развития процесса стрелка весов качнется в другую сторону. Меньше опарышей, больше жуков.

Маккензи наморщил лоб.

– А возле Салли Палмер жуки были?

– Я не видел. Впрочем, жуки не столь надежные индикаторы, как личинки мясных мух. И, как я уже говорил, имеются прочие переменные, которые тоже надо учитывать.

– Послушайте, я ведь не прошу вас давать показания под присягой. Хочу просто знать – хоть примерно! – когда сдох этот чертов пес.

– Навскидку, – сказал я, разглядывая кости с лохмотьями шерсти, – тринадцать-четырнадцать суток.

Он закусил губу и нахмурился.

– Значит, его убили до женщины.

– Да, у меня такое впечатление. В сравнении с тем, что я видел вчера, разложение началось на трое-четверо суток раньше. Даже если, к примеру, вычесть дня полтора, пока пес провалялся на улице, все равно получаем порядка трех суток. Но, повторяю, это пока что лишь догадки.

Маккензи задумчиво меня разглядывал.

– Вы не могли ошибиться?

Тут я и сам засомневался. И все же ему нужен совет, а не моя ложная скромность...

– Нет, не мог.

Он вздохнул.

– Черт...

Зазвонил его мобильник, и, отцепив трубку с ремня, Маккензи отошел в сторону. Я остался возле трупа, еще раз внимательно приглядываясь ко всему, что могло бы изменить мое мнение. Нет, все вроде правильно. Я нагнулся, чтобы поближе взглянуть на горло. Хрящи сохраняются дольше, чем мягкие ткани, однако до них добрались животные и обглодали края. Но все равно было видно, что здесь разрез, а не укус. Вынув из кармашка фонарик-карандаш и дав себе слово не позабыть его продезинфицировать, прежде чем опять совать в рот пациентам, я осветил внутрь раны. Разрез глубокий, до самых шейных позвонков. Я поиграл лучом на бледной тонкой царапине на косточке. Никакое животное не оставит такого следа. Лезвие вошло так глубоко, что задело и хребет.

Значит, большой нож или тесак. Причем весьма острый.

– Что-то нашли?

Я до того увлекся, что не услышал возвращения Маккензи. Я рассказал ему о своем открытии:

– Если кость задета достаточно сильно, то вы, пожалуй, сможете сказать, есть ли на кромке волновая заточка. В любом случае нужна сила, чтобы так глубоко рассечь. Должно быть, здоровый мужик.

Маккензи кивнул, но как-то рассеянно.

– Слушайте, мне надо отойти. А вы не торопитесь: сколько нужно времени, столько занимайтесь. Я скажу экспертам, чтобы вас не трогали.

– Да нет, не надо. Я закончил.

– Вы не передумаете?

– Сколько мог, я вам рассказал.

– Я к тому, что могли бы рассказать и побольше, при желании-то...

Уже начинало злиться то, как он пытался мной управлять.

– Это мы с вами уже проходили. И я сделал все, что обещал.

Казалось, Маккензи что-то взвешивает. Инспектор прищурился на солнце.

– Ситуация изменилась, – наконец решившись, сказал он. – Пропал кое-кто еще. Возможно, вы ее знаете. Лин Меткалф.

Имя – словно удар под ложечку. Я вспомнил, как прошлым вечером видел эту женщину возле аптеки. Какой счастливой она казалась...

– Вышла сегодня из дома на утреннюю пробежку и не вернулась, – бесстрастно продолжал Маккензи. – Может, и ложная тревога, хотя прямо сейчас не похоже. И если так, если преступник тот же самый... мы под такую раздачу попадем... Потому что Лин Меткалф либо уже мертва, либо ее где-то держат. А зная, что проделали с Салли Палмер, такого я не пожелал бы и врагу.

Я едва не спросил, зачем он мне все рассказывает, да только ответ был ясен еще до того, как вылетели слова. С одной стороны, он сильнее давил на меня, чтобы я с ними сотрудничал. А с другой... В конце концов, Маккензи ведь полицейский. То, что именно я сообщил о пропаже Салли Палмер, ставило меня ближе к концу списка подозреваемых. А если объявится и вторая жертва, то все снова окажется подвешенным в воздухе. Нельзя пропускать ни одной потенциальной ниточки.

Включая меня.

С совершенно непроницаемым лицом Маккензи наблюдал за моей реакцией.

– Я еще позвоню. Уверен, что вас, доктор Хантер, не нужно просить держать эту новость при себе. Я уже знаю, что вы умеете хранить тайны.

С этими словами он развернулся и пошел прочь, преследуемый по пятам «черной собакой» – собственной тенью.

Если Маккензи и не шутил насчет конфиденциальности, то беспокоился все же зря. Манхэм слишком мал для таких секретов. К тому времени, когда я вернулся с фермы Салли Палмер, новость уже облетела всех и вся. Почти одновременно стало известно, кем оказалась ранее убитая женщина. В итоге двойное потрясение. Как в это можно поверить? За несколько часов настроение поселка изменилось. Лихорадочное возбуждение сменил шок. Большинство цеплялось за надежду, что оба события окажутся не связанными между собой и что предполагаемая «вторая жертва» еще объявится целой и невредимой.

Увы, надежда таяла с каждым часом.

Когда Лин не вернулась с пробежки, ее муж Маркус отправился на поиски. Позднее он признался, что поначалу не слишком волновался. Пока имя Салли Палмер не объявили, его больше беспокоила мысль, что жена решила опробовать новый маршрут и просто-напросто заблудилась. Такое уже бывало. Вот почему, шагая по тропинке к озеру, он выкрикивал ее имя с ноткой раздражения в голосе. Ведь Лин знала, что у мужа впереди трудный день, а сейчас ее идиотская привычка бегать по утрам вынуждала Маркуса опаздывать.

Он все еще был не слишком встревожен, пока шел через камыши к лесу. Когда Маркус обнаружил привязанную к камню мертвую утку, то его первой реакцией стал гнев на бессмысленную жестокость. Всю свою жизнь он провел в деревне и никакой сентиментальности к животным не испытывал, однако беспричинный садизм – совсем иное дело. Стоило этой мысли всплыть в голове, как по спине Маркуса пополз первый холодок страха. Он попытался убедить себя, что мертвая птица никаким боком не касается Лин. Но страх уже пустил свои корни.

Он продолжал разрастаться, питаясь эхом от криков Маркуса, одиноко звеневших среди безучастного леса. К тому времени, когда муж Лин Меткалф решил пуститься в обратный путь, остатки его спокойствия держались на волоске. Чуть ли не бегом возвращаясь к озеру, он повторял себе, что Лин – конечно же! – уже ждет его дома. И тут он увидел вещь, от которой последние капли надежды сдуло прочь, будто водяную пыль.

Полускрытый за корнем дерева, на земле лежал ее секундомер.

Маркус поднял его, и в глаза бросился сломанный браслет и треснувший циферблат. Чувствуя, как страх уступает место панике, он принялся обшаривать кусты в поисках других следов. Их не было. По крайней мере он их не распознал. Маркус заметил, но не обратил внимания на толстый колышек, вбитый в землю поблизости. Несколько часов спустя полиция установит, что это остатки силка, а еще через некоторое время на тропинке будут найдены пятна крови.

Сама же Лин словно испарилась.

Глава 8

Такое впечатление, что чуть ли не весь Манхэм вышел на поиски пропавшей. В другое время или при иных обстоятельствах еще можно было бы предположить, что Лин исчезла сама, из каких-то своих соображений. Да, в поселке считали, что они с мужем выглядят вполне счастливой парой. Но ведь в таких делах никогда ничего толком не знаешь...

Однако сейчас, вслед за убийством другой женщины, исчезновение Лин Меткалф немедленно предстало в гораздо более зловещем свете. И пока полиция сосредоточенно прочесывала лес и участки маршрута ее утренних пробежек, каждый, кто был в состоянии, хотел как-то помочь.

Стоял замечательный летний вечер. Солнце клонилось к закату, в небе ныряли юркие ласточки... Чуть ли не деревенский праздник, редкостное ощущение единства и сплоченности людей. И все же никто не мог надолго позабыть о причине, почему они здесь. А реальность тут же напоминала о себе еще одной горькой мыслью.

Руку к убийству приложил кто-то из своих.

Больше нельзя все сваливать на чужака. Уже невозможно. Едва ли случайность – и, конечно, не совпадение, – что обе женщины оказались из одного и того же поселка. Никто не мог поверить, что чужак остался бы в округе после убийства Салли Палмер или вернулся назад за второй жертвой. Отсюда получается, что тот, кто зарезал одну женщину и устроил ловушку другой, просто обязан быть кем-то из местных. Можно предположить, конечно, что этим человеком мог оказаться кто-то из соседней деревни, однако тут же возникал вопрос: почему именно Манхэм стал местом совершения обоих преступлений? Здесь напрашивался второй вывод, более логичный и вместе с тем более пугающий: мы знали не только обеих женщин, но и ту тварь, что несла ответственность за смерть одной из них и исчезновение другой.

Эта идея еще только начинала пускать корни в сознании вышедших на поиски людей. До полного расцвета ей пока далеко, хотя первые ростки уже начали пробиваться наружу. Они проявлялись в том, с какой отчужденностью – пусть еще небольшой – жители поселка стали относиться друг к другу. Все были наслышаны о том, что преступники сами принимают участие в поисках. С едва обсохшей на руках кровью убийца мог разыгрывать на людях отвращение и сострадание, даже лить крокодильи слезы, хотя в гнилой темнице его сердца были заперты последние крики и мольбы жертв. И пусть даже Манхэм продемонстрировал свою сплоченность, раздвигая длинные стебли травы и заглядывая под кусты, подозрение начало подтачивать его изнутри.

Я присоединился к поискам сразу после вечернего приема. Мозговым центром всего мероприятия служил полицейский автофургон, поставленный в самом конце дороги, у леса, где Маркус Меткалф нашел секундомер своей жены. Здесь уже начиналась окраина поселка, и машины на четверть мили заперудили дорогу, уткнувшись в живые изгороди по обеим сторонам. Некоторые из жителей пришли сами, по зову сердца, хотя большинство привлек сюда переполох. Толклась рядом и кучка журналистов, правда, пока только местных. В тот момент общенациональные издания еще не успели подхватить эту историю или, быть может, просто считали, что убийство одной женщины и похищение другой не такая и новость. Вскоре все изменится, но сейчас Манхэм мог заниматься собственными делами в относительной неизвестности.

Полиция организовала своего рода общественный штаб для координации массовых поисков, причем далеко не в последнюю очередь из чисто пропагандистских соображений. У народа появится чувство причастности к делу, и можно быть уверенным, что добровольцы не станут путаться под ногами профессионалов. Впрочем, местность вокруг Манхэма настолько глухая,

что всю ее осмотреть просто невозможно. Словно губка способна она впитать сколь угодно много людей, так и не выдав свои секреты.

Маркуса Меткалфа я увидел возле других мужчин, но держался он немного в стороне. У Маркуса пусть не атлетический, но все же крепкий тип сложения, характерный для человека, занятого физическим трудом. Копна светлых волос. Лицо при нормальных обстоятельствах можно было бы назвать приятным и жизнерадостным, однако сейчас Меткалф выглядел осунувшимся, с налетом желтизны на загорелых, но побледневших скулах. Рядом с ним стоял Скарсдейл. Почтенный пастор наконец-то нашел дело под стать суровым и непреклонным чертам своей физиономии. Я на мгновение задумался, не подойти ли, чтобы выразить... Что? Сочувствие? Соболезнования? Пустота любых моих слов и воспоминания о том, насколько мало я сам ценил неуклюжие попытки почти незнакомых людей что-то мне высказать, чем-то поддержать, меня остановили. Вместо этого, оставив Маркуса на попечение пастора, я направился напрямиком к штабу за указаниями, куда идти и что делать.

Об этом решении мне еще предстояло пожалеть.

Несколько часов я без толку потратил, пробираясь сквозь заболоченный луг в составе группы, куда входил Руперт Саттон, который вроде бы даже был рад вырваться из-под опеки деспотичной матери. Из-за своей грузности он с трудом поспевал за нами. Тяжело дыша ртом, Руперт тащился следом, пока мы медленно, по кочкам преодолевали поле, обходя особо топкие места. Один раз он поскользнулся и упал на колени. На меня по-звериному пахнуло потом, когда я помог встать ему на ноги.

– Черт, – выдохнул Руперт, уставившись на руки с налипшей, как черные перчатки, грязью и заливаясь румянцем от собственной неловкости. Голос у него оказался на удивление высоким, прямо девичьим. – Черт, черт, – принялся он повторять, сердито при этом моргая.

Если не считать этого случая, люди говорили мало. Когда сумерки сделали дальнейшие поиски бессмысленными, мы оставили попытки и вернулись назад. Общее настроение – под стать мрачному, темнеющему пейзажу. Я знал, что по пути домой многие зайдут в «Черный ягненок» – нуждаясь больше в человеческом общении, чем в спиртном. Сам я намеревался поехать напрямиком домой, но передумал. В тот вечер мне хотелось оставаться в одиночестве ничуть не больше, чем прочим жителям поселка. Припарковавшись возле кабачка, я вошел внутрь.

Если не считать церкви, «Барашек» был самым старым зданием в Манхэме и относился к числу тех немногих домов, где сохранилась традиционная камышовая крыша. В любом ином месте нашего озерного края его бы давно «причесали», сделав картинно-респектабельным, но коль скоро угождать некому, кроме своих же местных, никаких серьезных попыток приостановить обветшание паба не делалось. Камышовые стебли потихоньку плесневели, а некрашенная, заляпанная стенная штукатурка пошла трещинами.

Сегодня, впрочем, торговля шла полным ходом, хотя до праздничной атмосферы было далеко. Меня приветствовали серьезными, даже угрюмыми, кивками, а разговоры велись приглушенно и на полутонах. Когда я подошел к бару, хозяин вздернул подбородок, будто задавая немой вопрос. Владелец паба был наполовину слепым, а белесый цвет больного глаза придавал ему сходство со стареющим лабрадором.

– Пожалуйста, Джек, одну пинту.

– Ходили на поиски? – спросил он, ставя передо мной пиво. Когда я кивнул, он отмахнулся от банкноты. – Для вас бесплатно.

Я уже успел прикончить почти весь стакан, когда мне на плечо упала чья-то рука.

– Я так и думал, что ты сегодня зайдешь.

Взглянув вверх, я узнал реализовавшегося рядом гиганта.

– Привет, Бен.

Бен Андерс был ростом под два метра и почти столь же широк в плечах. Работал он лесником в Хайклингском заповеднике и всю свою жизнь провел в Манхэме. Пересекались мы с ним довольно редко, и тем не менее этот парень мне нравился. С ним легко общаться, а при желании – и помолчать без лишней неловкости. Приятная, чуть ли не мечтательная улыбка, хотя лицо до того грубое, что казалось, будто его тесали топором и лишь немного прошлись потом стамеской. На продубленной солнцем и ветром физиономии ярко-зеленые глаза казались позаимствованными у другого человека.

Обычно они светились добродушием, но сейчас его и в помине не было. Бен облокотился на стойку.

– Паршивые дела.

– Да уж...

– Я видел Лин пару дней назад. Как птичка, никаких забот. А тут еще Салли. Все равно как дважды под молнию попасть.

– И не говори...

– Ей-богу, хоть бы она сама куда-то свалила, по каким-то своим делам... Только не похоже, а?

– Да, не очень...

– Слушай, а Маркус-то? Как подумаешь, чего он сейчас думает, аж мурашки по коже бегут. – Он понизил голос: – Ходят слухи, будто Салли Палмер разделали, как... как я не знаю что. Ежели этот же мужик забрал Лин... Я говорю, такому козлу шею бы свернуть, а?

Я посмотрел в свой стакан. Очевидно, слухи о моей помощи полиции еще не появились. Это радовало, однако сейчас я почему-то чувствовал за собой вину, будто умалчивание о выпавшей роли превращало меня в лжеца.

Бен задумчиво покачал массивной головой.

– Ты как думаешь, у нее шансы есть?

– Не знаю.

Честнее ответить я не мог. В памяти всплыли слова Маккензи. Если прав я, то Салли Палмер оставалась жива почти трое суток после своего исчезновения. Составление психологических портретов – не моя профессия, но я знал, что убийцы-маньяки следуют определенному шаблону. И это означало, что Лин могла еще быть жива, если только речь идет о том же самом убийце.

Еще жива. Боже мой, возможно ли? И если да, то сколько это продлится? Я сказал себе, что сделал все от меня зависящее. Отчего же эти слова самому мне казались дешевым самооправданием?

И тут я сообразил, что Бен на меня смотрит.

– Ты что-то сказал?

– Я говорю, ты в порядке? Весь выжатый какой-то...

– Денек еще тот выпал.

– Золотые слова. – Он взглянул в сторону входной двери и переменялся в лице. – А ведь казалось, что хуже уж некуда...

Я обернулся и на светлом фоне увидел мрачный силуэт пастора. Вокруг поутихли разговоры, пока он с суровым и непреклонным видом шагал к барной стойке.

– Сдается мне, он сюда не промочить горло заявился...

Скарсдейл откашлялся.

– Господа, – он неодобрительным взглядом окинул нескольких стоявших у бара женщин, но ничем не показал, что знает их, – я подумал, что должен вам об этом сказать: завтра вечером я буду служить панихиду по Лин Меткалф и Салли Палмер.

Его сухой баритон беспрепятственно разносился по всему кабачку.

– Уверен, что все вы... – он обвел взглядом присутствующих, – все вы придете завтра вечером, чтобы почтить память мертвых и подставить плечо живым. – Он сделал паузу и чопорно кивнул. – Спасибо.

Направляясь к выходу, он остановился передо мной. Даже сейчас, летом, от пастора несло плесенью. Черное сукно сюртука припорошено белой пылью перхоти, а дыхание пахивало нафталином.

– Полагаю, вы тоже придете, доктор Хантер.

– Смотря сколько будет пациентов.

– Уверен, что не найдется эгоистов, из-за которых вы не сможете исполнить свой долг.

На что он намекает? Скарсдейл подарил мне мрачную улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.